

А.В.АМФИТЕАТРОВ И В.И.ИВАНОВ. ПЕРЕПИСКА

Предисловие и публикация Джона Малмстада

Вячеслав Иванов и Амфитеатров — сопоставление двух этих имен должно, на первый взгляд, показаться более чем странным. С одной стороны, изысканный «мэтр» и «башенный житель», теоретик русского символизма и один из его выдающихся поэтов, выпускавший свои произведения малыми тиражами в элитных издательствах модернистской ориентации, а с другой — невероятно плодотворный автор «романов-хроник», сатирик и фельетонист, один из представителей «массовой литературы». Его хлесткий фельетон «Господа Обмановы», публикация которого в редактируемой им газете «Россия» (13 января 1902) окончилась для него сибирской ссылкой, принес ему огромную популярность. По данным отчета библиотечной выставки за 1911, он был вторым из наиболее читаемых в провинциальных библиотеках авторов (первой была Вербицкая). Спрос на его книги превысил спрос на книги Гоголя, Достоевского, Толстого, Горького и Л. Андреева, и с 1910 по 1916 петербургское издательство «Просвещение» выпустило в серии «Современная библиотека» далеко не полное собрание его сочинений в 37 томах.

Критика, сочувственно относившаяся к «прогрессивным», по ее мнению, социальным и политическим взглядам Амфитеатрова, иногда обвиняла его в поверхностности. Говоря о многих из его работ, нужно признать, что в этих обвинениях была большая доля правды, хотя сегодня для нас стало очевидней, чем было для читателей того времени, что его манера вводить в свои произведения фигуры реальных людей, пространственные цитаты из современных ему документов, газетные объявления и т.д. предвосхитила литературную практику, ставшую широко распространенной в двадцатом столетии (Дос Пассос и Пильняк, например), и в рамках этой литературной практики Амфитеатров показал себя подлинным новатором стиля. (И здесь не может не возникнуть вопрос: читал ли его Солженицын?) Как сам Амфитеатров признавался в письме к Иванову: «Вообразить — как люблю и не боюсь быть романтиком, но в *что* столь же люблю опираться на человеческий документ, да, собственно говоря, иначе и писать не умею» (29 апреля 1932).

Однако в начале века и темы его, и манера, так далеко отстоявшие от интересов и практики модернистов, вряд ли могли привлекать Иванова (из переписки ясно, что он не имел ни малейшего представления об Амфитеатрове как писателе). Если бы Амфитеатров жил в это время в России, он едва ли стал бы вхож в рафинированные литературные круги двух российских столиц. Если кто-либо из этих кругов и снискодил до того, чтобы обратиться на него внимание, то по большей части это была резкая критика его произведений. Правда, Валерий Брюсов писал о «постоянной и разносторонней талантливости» Амфитеатрова¹, но общий тон скорее задавал не менее авторитетный (несмотря на «парадоксальность» и «реакционность») Василий Розанов, заявивший, что «Амфитеатров просто есть словесный, общественный и политический бум»². Амфитеатров, в свою очередь, не только выпустил целый сборник статей («Против течения», 1908), посвященных критике «декадентства», но и постоянно высмеивал «погрешности» литературной и духовной атмосферы этих кругов. Можно сказать с уверенностью, что Амфитеатров и Иванов не только встречались в разных социумах, но и существовали в каком-то смысле в разных культурах.

Тем не менее, было и что-то общее между этими столь различными писателями. Оба они происходили из духовного сословия: Амфитеатров был сыном, а Иванов правнуком священника; даже фамилии их родных указывают на это (девичья фамилия матери Иванова — Преображенская). Оба были тесно связаны с Москвой (где часто происходит действие в произведениях Амфитеатрова). Там же они получили гимназическое образование, а затем и университетское (хотя учились на разных факультетах), прежде чем жизнь наставила их на совершенно различные пути. Оба они, до 1916, провели много лет в любимой ими Италии, где в конце концов суждено было им (после событий октября 1917) жить и умереть. Там, в суровой обстановке эмиграции, они и познакомились, вдали от той страны, которую так горячо и горестно любили.

Бежав из Петрограда с семьей в августе 1921 и вскоре оказавшись в Италии, Амфитеатров сразу стал играть активную роль в литературной и политической жизни русского зарубежья. Иванов же, оставаясь верным слову, которое он дал Луначарскому в обмен на разрешение легально покинуть Советскую Россию с семьей в 1924, не принимал никакого участия в общественной жизни эмиграции (из переписки очевидно, что он едва ли и следил за нею и почти ничего не знал о литературных ее событиях); зато он принимал самое активное участие в общеевропейской культурной жизни, и в числе его друзей было много видных ее представителей. В 1920-е Иванов вообще воздерживался от каких бы то ни было публикаций в эмигрантской прессе, в то время как Амфитеатров печатал новые и перепечатывал старые свои произведения и был постоянным итальянским корреспондентом и сотрудником нескольких русских газет. Впрочем, эти заработками ему едва удавалось содержать свою большую семью³.

¹ Русская мысль. 1916. №6.

² Новое время. 1915. 11 (24) ноября. №14251.

³ См. предисловие Э.Гарэтто к настоящему разделу «Минувшего».

К началу 1930-х его материальное положение, как, впрочем, и у многих писателей эмиграции, ухудшилось, в основном из-за того, что стали закрываться одно за другим издательства и органы печати, в которых он до этого публиковался (главным образом, в Югославии и Польше), — это побудило его приступить к чтению лекций в Италии.

Весной 1931 Амфитеатров, скорее всего, побуждаемый Ф.Ф.Зелинским, его общим с Ивановым другом, обратился к Вячеславу Ивановичу за помощью. (Есть интересная деталь, свидетельствующая о степени их незнакомства друг с другом: в первом письме Амфитеатров просит у Иванова прощения на тот случай, если случайно ошибся в его отчестве.) Иванов, который в это время преподавал в Колледжио Борромео в Павии и был, кроме того, нагружен многочисленными обязательствами, тем не менее, живо откликнулся на просьбу соотечественника, понимая, наверное, до какой степени тот бедствует. Иванов прилагал все усилия, чтобы устроить своему новому знакомому чтение лекции, которая все же так и не состоялась (из-за не вполне корректного поведения павийского священника Милани, фигуры, с одной стороны, комической, а с другой — вполне жуткой, этакого «Чичикова в сутане»); вместе с тем не суждено было состояться и личному знакомству обоих писателей.

В течение шестнадцати месяцев, пока между ними велись переговоры о судьбе этой несчастной лекции (переписку можно было бы назвать «история несостоявшейся лекции»), тон писем становился все более и более теплым. Они так никогда и не перешли на «ты», но довольно быстро перешли от формального «многоуважаемый» к вполне душевному «дорогой». Суждения о русской эмигрантской литературе и всякого рода сведения о том, что в ней и с ее авторами происходит, шли в основном от Амфитеатрова, корреспонденты также обменивались книгами (которые опять-таки, главным образом, посылались Амфитеатровым). Все это способствовало тому, что Иванов все больше открывал для себя художественный мир своего собеседника. Для историков русской литературы именно в этом и состоит главная ценность этой переписки.

«Как же не знал я до сих пор о существовании столь замечательного произведения⁴? — писал Иванов Амфитеатрову 20 января 1932. — Все оттого, что в нашей литературе была кружковщина и не было критики, что она была вся загромождена какими-то бюрократическими перегородками, что повсюду торчали какие-то политически- и литературно-партийные рогадки, что каждому предоставлено было свободно циркулировать в своем отделении общей больницы для душевно больных и почти не разрешалось заглядывать в чужое». Иванов не оставил этот роман (как и другие, которые Амфитеатров посылал ему по его просьбе впоследствии) без критики их «позитивизма», но, живя в эмиграции, так сказать, «вне контекста», и не зная всего огромного массива амфитеатровской беллетристики, Иванов восхищался «мастерской прозой» произведений своего корреспондента, панорамой русской жизни, сочностью их «чистой, коренной русской речи». Он ценил начитанность Амфитеатрова и его обширные знания, особенно в области русской «живой старины» и русско-

⁴ Речь идет о романе «Жар-Цвет».

го фольклора. (Исследователям ивановской «Повести о Светомире Царевиче» придется в поисках некоторых ее источников внимательно ознакомиться с увидевшими свет при жизни Амфитеатрова частями его большого труда, задуманного под названием «Соломония Бесноватая».)

Амфитеатров, разумеется, ценил дружескую поддержку своего корреспондента и был глубоко тронут его высоким мнением о своих произведениях («Да, Вы большой и — несмотря на внешний успех и известность — неоцененный по достоинству писатель», — писал ему Иванов 25 апреля 1932), но чувствует, что хотел большего. В итальянской глуши, вдали от культурных центров русской эмиграции (и самой Италии) живое эпистолярное общение стало для него одним из главных способов преодоления изоляции и интеллектуального одиночества. Однако диалог с Ивановым не мог получиться прежде всего по той причине, что даже в эмиграции эти писатели жили в разных мирах. Амфитеатров, несмотря на то, что его произведения были переведены на итальянский (и многие другие языки), и наличие друзей в итальянской литературной среде, а также постоянные публикации в итальянской прессе, все-таки оставался русским писателем, Иванов же к началу 1930-х если не стал знаменитостью европейской интеллектуальной жизни, то был уже достаточно широко признанным европейским литератором, интересы которого были гораздо шире сравнительно узкого эмигрантского мира.

В 1935 Амфитеатров возобновил переписку (по-видимому, не все письма дошли до нас), рассчитывая привлечь Иванова к работе эмигрантского Пушкинского Комитета, готовившего предстоящие торжества — столетие со дня смерти Пушкина. К этому времени Иванов жил уже не в Павии, а в Риме; с получением итальянского подданства (и отказом от советского) он стал время от времени печататься в заграничной русской периодике (главным образом, в «Современных записках»). Он охотно согласился содействовать работе комитета в Италии, хотя категорически отказался от должности председателя итальянской его «ветви».

В начале 1938 тяжело больной Амфитеатров уже был не в силах поздравить Иванова с Новым годом: от его имени поздравление послала его жена. 26 февраля того же года он умер. Иванов дожил до 1949 и умер «последним русским символистом».

***

Письма Амфитеатрова находятся в римском архиве В.И.Иванова, хранителю которого, Д.В.Иванову, приношу благодарность за предоставление мне копий. Ивановские письма находятся в огромном фонде Амфитеатрова в Lilly Library, Indiana University (США), кураторам которого я также выражаю благодарность.

Особую благодарность приношу Эльде Гарэтто, чья помощь сделала возможным саму эту публикацию. Превосходный знаток всех материалов, связанных с Амфитеатровым, она внесла очень ценные дополнения и уточнения в корпус комментариев. Ей же принадлежит и перевод всех итальянских текстов.

Levanto, 1931.III[19]29

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Во-первых, простите, если ошибаюсь в отчестве.

Во-вторых, простите, что, не будучи лично знакомым с Вами, позволяю себе обратиться к Вам с просьбою о совете, а, может быть, если найдете для себя удобным, то и о содействии.

Мы с Вами, не зная друг друга, конечно, знакомые незнакомцы с весьма почтенной древности. Я еще едва начинал печататься, когда сестра моя Александра Валентиновна Пассек писала мне о Вас из Берлина весьма восторженные отзывы¹. А затем поэтическое и философское Ваше творчество мне, само собою разумеется, известно, хотя и далеко не полностью. Я ведь с 1902 года очень мало жил в России, а от литературных ее кругов был всегда далек².

Просьба же у меня к Вам вот такая. С литературной голодухи начал я промышлять итальянским лекторством и, кажется, это дело идет у меня сносно и не бесполезно для итальянцев, интересующихся русскою литературою и искусством. Во Флоренции я читал «L'Italia nella poesia russa classica»³ (напечатана в «Le Opere e i giorni» di Genova⁴), в Милане «Una letteratura in esilio»⁵ (также) и «I grandi tragici italiani e l'arte russa»⁶, а совсем недавно «Le vie e le sorti dell'umorismo russo»⁷ (выдержки в последнем номере Convegno, — в Convegno я и читал)⁸. Эту лекцию я повторил в Accademia Olimpica di Vicenza⁹ и завтра, 30-го марта, повторяю в Lyceo di Genova. А в Padova я тоже только что читал «Goldoni e i suoi riflessi nella commedia russa»¹⁰. Всюду имел хороший успех.

Вот мне и пришло в мысли — спросить у Вас, нельзя ли мне устроить una conferenza¹¹ также и в Павии? Мне очень хвалили тамошнюю публику наш общий друг, профессор Ф.Ф.Зелинский, читавший в Павии года три тому назад¹². Если бы Вы сообщили мне, возможно ли сие к осуществлению и с кем и как по этому поводу надо иметь общение и сговор, то весьма тем обязали бы меня. Исчисленные лекции я готов читать — когда угодно. А недели через три-четыре мог бы выступить с двумя новыми: об Атлантиде по Мережковскому (в антитезе с Джузеппе Серджи) и о Наполеоне (Мережковского) и Юлии Цезаре (Silvagni)¹³. Д.С.Мережковскому эти свои выступления я обещал уже давно, но, за болезнью, а потом за разъездами, все не успевал их осуществить.

Если проект мой относительно Павии принципиально возможен, то, на всякий случай, спешу предупредить Вас, что материальные мои претензии довольно скромны. Были бы покрыты дорожные расходы и пребывание в чужом городе, да что-нибудь при-

везти бы домой. Правда, в Firenze мне заплатил Paolo Orano тысячу лир, но это был особый праздничный случай¹⁴. Милан за лекцию и десять минут беседы по Radio заплатил мне, по совокупности, 600 лир, Падуа платит 500, Genova так же, Vicenza 350, но + возмещение дорожных расходов andata e ritorno¹⁵ от Levanto и всего vitto¹⁶, так что выходит также на 500-600. В подобных размерах хотелось бы, если состоится, быть вознагражденным и в Павии.

Я посылаю это письмо наудачу, не зная Вашего точного адреса. Если оно дойдет, уведомьте меня о том, пожалуйста, поскорее. Тогда я пошлю Вам также и некоторые газетные отчеты о моих conferenze.

18-го марта я сделал небольшой доклад в миланском «Союзе русской молодежи» об Александре II. Председатель этого Союза, ген[ерал] Константин Константинович Черный¹⁷, очень просил меня рекомендовать русских лекторов. В Милане я никого подходящего указать не мог, а очень советовал ему обратиться к Вам в Павию. Не знаю, писал ли он Вам или был ли у Вас уже? Они, хотя и очень скромно, платят. Я, так как читал проездом из Padova e Vicenza, взял с них совсем дешево.

Простите еще раз и за просьбу и за длинное письмо. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

В Genova еду завтра и завтра же возвращаюсь в Levanto.

Письмо написано на бланке: Alessandro Amfiteatrov. Levanto. Villa delle Lagore.

¹ В 1886 Иванов начал заниматься в Берлине. См.: Вахтель М. Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета // Cahiers du Monde russe. 1994. Vol. XXXV. №1/2. Janvier — Juin: Un maître de sagesse au XX-e siècle. Vjaceslav Ivanov et son temps. P.353-376. С того же года Амфитеатров стал итальянским корреспондентом и фельетонистом «Русских ведомостей» (в то время он учился оперному пению в Милане).

А.В.Амфитеатрова — жена Е.В.Пассека (1860-1912), юриста, профессора римского права и ректора Юрьевского университета, публициста. В сохранившихся ее письмах нет упоминаний об Иванове.

² Хотя Амфитеатров с весны 1907 до осени 1916 постоянно жил в Италии, он играл очень активную роль в русской литературной жизни и много печатался в русских газетах. См. его переписку с Горьким: Литературное наследство. Т.95: Горький и русская журналистика начала XX века: Незданная переписка. М., 1988. С.31-473.

³ Италия в русской классической поэзии (*итал.*).

⁴ «Труды и дни» (Генуя) (*итал.*).

⁵ «Литература в изгнании» (*итал.*).

⁶ «Великие итальянские трагики и русское искусство» (*итал.*).

⁷ «Пути и судьбы русского юмора» (*итал.*).

⁸ 16 мая белградская газета «Новое время» опубликовала отчет о лекции Амфитеатрова во Флоренции на тему «Италия в русской классической поэзии», а 9 апреля 1929 отчет «Русская эмиграция: лекции А.В. Амфитеатрова в Милане». Его большая статья в восьми частях «Литература в изгнании» (с подзаголовком «Публичная лекция в миланском Филологическом Обществе») появилась там же между 16 и 26 мая 1929. Статья была опубликована отдельной книжкой в июне 1929. См. также его статьи: Завоевание Италии русской литературой // Новое время. 1930. 12 и 13 августа; L'Italia nella poesia russa classica // Le opere e i giorni [Ежемесячный журнал]. 1930. №11. P.42-60; Una letteratura in esilio // Ibid. №6. P.46-65.

4 мая 1930 в рижской газете «Сегодня» была опубликована «Италия и Пушкин (Из публичной лекции во Флоренции на "Празднике Книжки")». Статья «Le vie e le sorti dell'umorismo russo» была напечатана в миланском журнале (Il Convegno: Rivista di letteratura e di arte. 1930. Vol. VIII. №11/12. 25 dicembre. P.445-454), а прочитана как лекция в кружке («sigolo») сотрудников журнала 24 января 1931.

⁹ Олимпийская академия города Виченцы (*итал.*).

¹⁰ «Гольдони и его отражения в русской комедии» (*итал.*).

¹¹ одна лекция (*итал.*).

¹² О своей встрече с филологом-классиком Фаддеем Францевичем Зелинским (1859-1944) Амфитеатров писал:

В итальянской глуши, где я живу, крестьянских праздников так много, что, при желании, право, кажется, люди, если бы не опасались несколько умереть с голода, имели бы законное основание ничего не делать 365 дней в году простом и 366 в високосном. Некоторые счастливицы так и поступают. Зато праздника на своей интеллигентской улице и того, что Манилов называл «именинами сердца», здесь не каждый год дождешься. Природы — хоть торговать, а людей — не видеть. Ну вот, и выпал мне праздник «именин сердца». Заехал к нам в Леванто профессор Тадеуш Зелинский и пробыл три дня. /.../ Зелинский приехал из Павии, куда был приглашен по инициативе местного подеста и профессора университета, синьора Ваккари, и итальянского посланника в Польше, синьора Майони, прочитать две лекции. Одну он читал по-итальянски, другую по-французски. Темами взял: для одной, по своей специальности историка античной культуры, — «Развитие морали от Гомера до Христа», для другой —

«Польский крестьянин в литературе». Эта вторая лекция — извлечение из читанной им ранее в Оксфорде на английском языке, а в Германии и Голландии на немецком. /.../ Прием профессору в Павии был торжественный и радушный, а успех лекций превзошел ожидания самого лектора. Он был изумлен умением живой и бойкой итальянской молодежи слушать долгую серьезную речь с вниманием, которое нельзя назвать иначе, как благоговейным. Вообще, два-три дня, проведенные им в павийском Колледжо (студенческом общежитии), Зелинский причисляет к приятнейшим в своем ученом скитальчестве.

Амфитеатров А. Записная книжка // За свободу! 1927. 3 апреля. №77.

¹³ Имеются в виду «Тайна Запада: Атлантида — Европа» Мережковского (Ч.1-2. Белград, 1930 — Русская библиотека. №26 и 27) и многочисленные работы *Giuseppe Sergi* (1841-1936) по антропологии и палеонтологии, в том числе и его знаменитая книга «Europa: L'origine dei popoli europei e loro relazioni coi popoli d'Africa, d'Asia e d'Oceania» (Milano: Fratelli Boccia, 1908), а также «*Наполеон*» Мережковского (Белград, 1929 — Русская библиотека. №1 и 2) и «*Giulio Cesare*» Umberto Silvagni (1862-?) (Torino: Fratelli Boccia, 1930). Последний также является автором двухтомной биографии «*Napoleone Bonaparte e i suoi tempi*» (Roma, 1894-1895). Статья Амфитеатрова «Существовала ли Атлантида?» появилась 14 декабря 1930 в газ. «Сегодня», а «Возрождение атлантов» — там же, 2 мая 1931.

¹⁴ *Orano Paolo* (1875-1945) — критик, журналист, видный идеолог итальянского фашизма, автор нескольких книг о Муссолини. Был назначен директором Итальянского института по делам культуры в Париже, а в 1939 был избран сенатором. Умер в концлагере близ Салерно.

¹⁵ туда и обратно (*итал.*).

¹⁶ питание (*итал.*).

¹⁷ *К.К. Черный* — председатель основанной в 1925 «Русской колонии» в Милане.

2. Иванов — Амфитеатрову

2 апреля 1931

Большую радостью было для меня получить письмо от Вас, глубокоуважаемый Александр Валентинович, и иметь с Вами наконец, хоть на старости лет, какие ни на есть непосредственные личные сношения, — тем более, что на душе у меня лежало сказать Вам, как глубоко был я тронут Вашими — года два, должно быть, тому назад, — авторитетно произнесенными в эмигрантской печати теплыми словами обо мне, в защиту моего доброго имени от каких-то фантастических нареканий, или попросту сплетен¹: давно поэтому сам я собирался писать Вам, чтобы выразить

мои чувства и глубокого уважения к Вам как писателю и моей сердечной признательности.

Что касается практического вопроса, о котором Вы пишете, я должен, к огорчению моему, поставить Вас в известность о том, что с 1928 г. окончательно прекратились циклы лекций, которые наш университетский Collegio (самостоятельный *ente*², основанный в 1580 г. и имеющий целью поддерживать лучших студентов университета)³ вместе с *Consortio dell'università di Pavia*⁴ устраивал для приезжих лекторов: участвовали в этих циклах, между прочим, французский ученый, наш общий друг Фаддей Францевич, флорентийский историк проф. Николай Петрович Оттокар — и сам я читал целый курс из пяти лекций о «русской религиозной мысли»⁵. Теперь такие лекции отменены окончательно; и лучшим доказательством этому служит тот факт, что Ф.Ф.Зелинский, к прошлогоднему юбилею которого наш университет послал торжественную латинскую грамоту⁶, при своем посещении Павии год тому назад (после лекции о Вергилии, которую он читал в миланском *Università Cattolica*⁷) не был приглашен рассказать и нам что-нибудь о Вергилии, хотя отпраздновать l'anno Virgiliano⁸ была нужда, и метра здесь высоко почитают и ценят⁹. — Остается позондировать почву в некоторых культурных обществах, устраивающих здесь иногда публичные чтения, и я принял к тому все надлежащие меры при помощи нашего ректора (т.е. ректора нашего *Almo Collegio* имени *S. Carlo Borromeo*), моего доброго друга (*canonico prof.*¹⁰ *Rinaldo Nascimbene*)¹¹. Если нам удастся чего-нибудь достигнуть, это будет для меня радостью, о коей немедленно Вас уведомяю. — Генерал К.К.Черный писал мне из Милана о лекциях, но, к сожалению, это для меня решительно невозможно. Collegio и университет берут все мое время, остаток которого употребляю на сотрудничество в иностранных журналах. — Горячо, хотя и все еще заочно, жму Вашу руку и прошу Вас верить в мою безграничную душевную преданность.

Вячеслав + Иванов
(+ Иванович, совершенно точно)

Письмо на бланке с гербом (корона над латинским словом *Humilitas*)
Almo Collegio Borromeo. Pavia.

¹ В своем фельетоне о встрече с Ф.Ф.Зелинским в 1927 Амфитеатров писал:

Любопытно, что в павийском колледже Зелинский встретил, на должности воспитателя, своего старого друга и весьма знаменитого русского интеллигента — поэта Вячеслава Иванова. Он

перешел в католическое вероисповедание, что и позволяет ему занимать служебный пост в интернате клерикального строя. [Строй в Колледжо Борромео не был «клерикальным», и переход В.Иванова в католичество не имел никакого отношения к его приглашению в Колледжо. — *Дж.М.*] Кстати, пользуясь этим случаем, чтобы опровергнуть ходившие в эмиграции слухи, будто Вячеслав Иванов, подобно В.Брюсову, Андрею Белому, С.Городецкому и т.д. «съякшался» с большевиками. Диффамация эта весьма огорчает поэта. А между тем он терпит напраслину только за то, что он выехал и семью вывез из СССР не в порядке бегства, а по паспорту, который ему с трудом выхлопотал Луначарский.

Подобным мнимым «якшанием» грешны сейчас многие тысячи зарубежных и, хотя лестного в советском документе, конечно, ничего нет, но и ставить его человеку в облигательную вину без проверки причин — взискательность уж чересчур суровая и несправедливая. Гораздо важнее того, *как выехал* эмигрант из СССР, то, *как повел он себя* в эмиграции. Арцыбашев не бежал, а тоже выехал «легально», да испортил большевикам и дела, и крови больше всех беглецов. Субъекты вроде А.Толстого, Дроздова, Эрвина Гримма и пр. «сменовеховцев», либо типов, как Неандер, Слащев и легион им подобных предателей, «бежали». Да что в том толка, если они вспять возвратились, Антихристу поклонились и ему раболепно служат? Что касается Вячеслава Иванова, то уже одно углубление в католицизм противопоставляется подозрению в соглашении с большевизмом. Разве может ладить с врагом Христовым искренний католик? А Вячеслав Иванов, как поэт и философ, всегда был — весь — искренность.

За свободу! 1927. 3 апреля.

Иванов внес эту выдержку из статьи Амфитеатрова в письмо из Павии от 27 апреля 1927 к своей дочери Лидии, сопроводив следующим комментарием: «Побуждением к этим излияниям [т.е. к присылке приведенного текста и прочих материалов, полученных Ивановым от Сергея Юлиановича Кулаковского. — *Дж.М.*] было желание Зелинского, чтобы мне была переслана статья Амфитеатрова, выдержки из которой прилагаю. О степени его *indiscrétion* судите сами». Письмо находится в римском архиве В.Иванова.

² учреждение (*итал.*).

³ См. письмо В.Иванова С.Л.Франку от 3 июня 1947: «Более терпимую к моему советскому подданству, несмотря на фашизм профессуры, явилась Павия, где я получил место проф. новых языков и литературы в университетском Колледжо Борромео, старинном, роскошном и даровом общежитии для наиболее успешных студентов всех факультетов, и вместе лекторство русского языка в Университете» (Мосты. 1963. №10. С.364). Иванов был приглашен в Павию осенью 1926. См.: Иванова Л.В. Воспоминания: Книга об отце. М., 1992. С.163-166.

⁴ Сообщество Павийского университета (*итал.*).

⁵ См.: Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.171-172. *Оттокар Николай Петрович* (1884-1957) — историк, специалист по итальянскому Средневековью, ученик И.М.Гревса. В описываемое время — профессор Флорентийского университета.

⁶ После первых павийских «гастролей» (по выражению Зелинского в письме В.Иванову из Варшавы 5 января 1927), Зелинский был частым гостем в Collegio Voggotheo. В элегантно напечатанной латинской грамоте, обращенной к ректору и Сенату Варшавского университета, где Зелинский преподавал, Павийский университет шлет Зелинскому свои поздравления по поводу пятидесятилетия научной деятельности. В послании упомянуто, что юбилар был в Павии «*hospes gratissimus*» («дорогим гостем»). Документ датирован: a.d. XIV Kal. Jun. MCMXXX. Один экземпляр хранится в римском архиве В.Иванова.

⁷ Католический университет (*итал.*).

⁸ [юбилейный] год Вергилия (*итал.*).

⁹ В связи с юбилеем Вергилия В.Иванов написал по-немецки статью «*Vergils Historiosophie*», которая была напечатана в шестом выпуске знаменитого швейцарского журнала «Корона» («*Corona*») за май 1931.

¹⁰ каноник профессор (*итал.*).

¹¹ *Нашимбене Ринальдо* (1883-1958) — епископ, ректор Collegio Voggotheo с 1928 по 1939.

3. Амфитеатров — Иванову

Levanto. 1931.XI.7

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

простите, что беспокою Вас просьбою, исполнением которой Вы меня весьма обязали бы. Для одной работы, меня в настоящее время занимающей, мне очень нужна *Legenda aurea*. Не могли бы Вы снабдить меня каким-либо ее изданием латинским, итальянским или французским! Я, к сожалению, не знаком с ее библиографией и не знаю, где ее искать. Впрочем, если бы и нашел, то толка мало, ибо приобрести, по плачевности нынешних моих дел, не в состоянии. Вот и надумал я обратиться к Вам, рассчитывая, что *Legenda aurea*, наверное, имеется, если не в Вашей собственной библиотеке, то в библиотеке Вашей коллегии, и, может быть, Вы можете ссудить меня ею на некоторый срок. Я книг не зачитываю, отношусь к ним бережно, отметок на полях не делаю и, бу-

лучи не курящим, не пропитываю их табачным дымом. Если Вы можете так или иначе исполнить мою просьбу, пришлите мне книгу наложным платежом (она, поди, тяжелая?). Продержать ее я хотел бы до Рождества, а к Новому году возвращу в порядке. Если нельзя, то не будете ли Вы так добры указать мне, какие имеются позднейшие обработки Зол[отой] Лег[енды] и где бы можно было ими раздобыться. Заранее благодарю Вас, желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

Почтовая открытка. Почтовые штемпели: Levanto и Pavia: 7.11.31. Адрес: Reverendo P. Venceslao Ivanov. Almo Collegio Borromeo. Pavia.

¹ «Золотая легенда» — сводный сборник житий святых, составленный около 1260 итальянским священником (позднее архиепископ Генуи, канонизированный как святой) Якопо да Вараджине (Iacobus de Varagine; 1228/29-1298). Она была переведена с латинского на все западноевропейские языки и неоднократно переиздавалась в многочисленных версиях и переделках. В позднем Средневековье только Библия пользовалась большей популярностью в Европе.

4. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1931.XI.19

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Сердечно благодарю Вас за любезный присыл. Простите, что не сразу уведомил Вас о получении. Причина та, что, как получил, так и зачитался. Как эта «Legenda Aurea» хороша, — Господи ты Боже мой, как хороша! Такое море, что, как окунешься в него, так и выйти не пускает.

Собираюсь вскоре читать в Милане лекцию. Если состоится, хочу воспользоваться случаем — буде позволите, побывать у Вас в Павии, повидать Вас и Certosa¹.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] А[мфитеатро]в

Посылаю Вам — «в знак чувств» — две мои книжки, к[ото]рые, может быть, пробежите на досуге. Зелинский, Кизеветтер и Бальмонт — ничего, хвалили². Все это часть большущей моей работы некоторой, полотну Пенелопы подобной.

¹ Знаменитый картезианский монастырь (*certosa*), который считается шедевром итальянской архитектуры XV века. Он находится в восьми километрах к северу от Павии.

² Историк Александр Александрович *Кизеветтер* (1866-1933) опубликовал две рецензии на книги Амфитеатрова: «Одержимая Русь» (Сегодня. 1929. №220) и «Русская демонология (Амфитеатров, "Русский поп XVII в.")» (Там же. 1930. №54) (см. прим. 4 к письму 8). См. также некролог, написанный Амфитеатовым: «Ключевский Старший и Ключевский Младший: Памяти А.А.Кизеветтера» — Сегодня. 1933. №36.

5. Иванов — Амфитеатрову

24 ноября [1931]

Многоуважаемый Александр Валентинович,

Примите мою сердечную благодарность за полученные мною Ваши книги, до коих еще не коснулся, будучи завален неотложною работой, но которые чрезвычайно интересуют меня своим содержанием, более того — прямо нужны мне для некоторых работ. А добрые строки, Вами на них для меня начертанные, делают Ваш дар дорогим и моему сердцу. — Три тома «Золотой легенды» — не мои, и посему должен просить Вас вернуть мне их в положенный Вам срок. —

Чрезвычайно обрадовало меня Ваше обещание остановиться проездом в Милан или из Милана в Павии, — и я сейчас же постарался разузнать, нельзя ли соединить эту Вашу павийскую остановку на пути с публичною лекцией — в единственном месте, где устраиваются еще у нас публичные лекции, а именно в *Circolo di Cultura* имени *Alessandro Manzoni*¹. К моему великому удовольствию, дело, кажется, на этот раз налаживается удачно. Прибавлю между нами, что оплата расходов на проезд, снятая ныне со счета (п[отому] ч[то] Вы остановились на пути в Милан или из Милана), облегчает для небогатого ресурсами *Circolo* дело устройства Вашей лекции, которая, впрочем, разумеется, будет гонорарно оплачена. Итак, мне поручено в спешном порядке спросить у Вас, когда Вы желаете читать лекцию (дни предпочтительные для *Circolo* суть воскресенье и четверг, но это не есть условие абсолютное), п[отому] ч[то] объявление о предстоящих лекциях уже *печатается*, и на какие *темы* Вы ныне располагаете говорить. Если Вы дадите не одну тему, а две, три или больше, выбор будет сделан здесь сейчас же, и таково будет и оповещение, и Вы будете немедленно о том осведомлены. Прежде же всего, необходимо знать, *когда* Вы едете в Милан и *когда* остановитесь в Павии. Если же о том *определенно* Вы еще ничего не знаете, то имейте в виду, что январь наиболее удобный месяц для *Circolo*. Но и в *декабре* можно передвинуть ту или другую лекцию, чтобы заменить ее Вашей или вдвинуть в серию и Вашу лекцию. Итак, прошу *спешно*²

ответить мне на поставленные вопросы для осведомления каноника Monsignor Milani, стоящего во главе Circolo. È un circolo femminile cattolico³, но на лекцию вход свободен для всех, и посещает их «un pubblico scelto»⁴. С глубоким уважением душевно преданный Вам

Вячеслав Иванов

Письмо на бланке Collegio Vergomeo.

¹ Кружок культуры (*итал.*). Мандзони Алессандро (1785-1873) — классик итальянской литературы.

² Трижды подчеркнуто.

³ Это католический женский кружок (*итал.*).

⁴ избранная публика (*итал.*).

6. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1931.XI.26

Дорогой Вячеслав Иванович,

Спасибо за милое письмо и приглашение. Январь и для меня месяц наименее удобный, тем более, что из Милана я еще не имею ответа о точном сроке. Притом, раз Istituto оплачивает публичные лекции более или менее прилично, то не составит для меня труда и нарочно приехать в Павию, не заботясь о совпадении с Миланом: мне ведь, лишь бы не изущербить скудных домашних ресурсов, а разбогатеть от Павии до состояния Ротшильдов (впрочем, они, кажется, ныне просвистались) я не мечтаю. Так что выбирайте в январе любое воскресенье или любой четверг, как удобнее, — лучше, впрочем, на средние числа. Если читать надо в декабре, то я могу дать только «L'Italia nella poesia russa classica», если же в январе, то на выбор — эту или «S. Francesco d'Assisi e S. Sergio di Radonež»¹ — вот, еще не знаю, как лучше написать и пока ставлю чешское z. Я думаю, что это подойдет, а если нет, то напишите, прочту другое что-нибудь. В Милане-то я буду читать «Mussolini oratore»², но думаю, что для Павии эта тема не подходящая, равно как едва ли «католическим девицам» удобно слушать о феминистках прошлого столетия и о влиянии итальянских актеров на русский театр (другие мои готовые темы). О «S. Francesco e S. Sergio» я прочитал бы с особенным удовольствием, будучи величайшим поклонником обоих, причем — грешу — с

перевесом в сторону первого. Но это надо отделать, а на отделку надо время иметь. Словом, распоряжайтесь мною сообразно содержанию сего письма. Если же в сих днях выйдет какая-либо экстренная перемена, я извещу Вас немедленно.

Радуюсь, что доставил Вам удовольствие посылком книг. Если так, то посылаю Вам еще «Зарю русской женщины»³.

«Legenda Aurea» будет возвращена своевременно. Сейчас нагло обкрадываю ее для приближающихся рождественских и новогодних номеров «Сегодня» и «Иллюстр[ированной] России»⁴.

Значит, жду от Вас известий.

До свидания. Желая Вам всего хорошего. Еще раз спасибо.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

¹ «Св. Франциск Ассизский и св. Сергей Радонежский» (*итал.*).

² «Муссолини — оратор» (*итал.*). 22 октября 1931 статья Амфитеатрова «Муссолини на трибуне» была опубликована в газете «Сегодня».

³ Амфитеатров А. Заря русской женщины: Этюды. Белград, 1929 (Русская библиотека. №5).

⁴ Амфитеатров обращался к «Легенде» неоднократно: Рождество Христово в «Золотой легенде» // Иллюстрированная Россия. 1931. №346; Роман Пилата: по «Золотой легенде» и другим сказаниям // Сегодня. 1932. 25 апреля; Юмор святых // Там же. 1932. 2 мая; Поклонение Трех Волков: по «Золотой легенде» Якопо де Вараджине // Там же. 1933. 7 января.

7. Иванов — Амфитеатрову

20.I.[19]32

Дорогой Александр Валентинович,

Наше ближайшее личное знакомство начинается, увы, с того, что я невольно обнаруживаю перед Вами свои непростительные слабости и Вы прежде всего узнаете во мне великого грешника по части переписки. Мне стыдно, что давным-давно не принес Вам своей прочувствованной благодарности за Ваш новый и доставивший мне столько живой художественной радости подарок — за «Fior[e] di Fuoco»¹. Как же не знал я до сих пор о существовании столь замечательного произведения? Все оттого, что в нашей литературе была кружковщина и не было критики, что она была вся загромождена какими-то бюрократическими перегородами, что повсюду торчали какие-то политически- и литературно-партийные рогатки, что каждому предоставлено было свободно цир-

кулировать в своем отделении общей больницы для душевно больных и почти не разрешалось заглядывать в чужое. Правда, Ваше собственное отношение к своему «фантастическому роману» было очень не цельным и противоречивым: Вы сами занесли его в рубрику т[ак] наз[ываемого] «легкого чтения» — и в то же время щедро рассыпали в нем огромную эрудицию; разрешив себе вольно и безудержно фантазировать («Wage du zu träumen»²), Вы в то же время ухитрились обратить все Ваше фантазирование в ученое, психиатрическое и фольклористическое исследование. Вы перегрузили его и анализами, и легендами — и, пожалуй, лишили его художественного единства. Поэт должен *верить* в изображенный им фантастический мир, а Вы и в процессе творчества крепко держались за свой «позитивизм»³. Вы вздумали танцовать со связанными ногами. А все-таки — вытанцовывалось! *Tout de force!*⁴ Я отнюдь не желаю занимать какую-либо «окультуртскую» точку зрения, а все же скажу: по прочтении романа испытываешь метафизическое ощущение, что все в жизни глубоко загадочно, как будто действуют во всем одновременно две причинности — причинность эмпирическая, отданная в ведение положительной науки, и под ее маской другая таинственная и духовная причинность, где есть место всему, что нам кажется чудесным, где события ткнутся взаимодействием божественных и демонических сил. В этом смысле, может быть, и правда, что Вы уподобились Валааму⁵. Роман для меня лично еще и тем высокоинтересен, что в нем отведено много места змеиному культу, который меня глубоко занимает — между прочим и по той причине, что я прилежно исследовал греческую религию Диониса, где змея играет важную роль, разумеется — не без экскурсов в область сравнительного изучения религий⁶. Я был бы Вам благодарен за указание, откуда Вы черпали богатый материал о змее в африканских религиях и о распространении этого культа. Ваши две другие книги — превосходные, богачеишие и увлекательнейшие исследования, которые дают мне для моих разнообразных интересов в области фольклора и русской «живой старины» необычайно много. Как я Вам благодарен за них! И какое наслаждение читать Вашу чистейшую, коренную русскую речь! Неспроста я получил Ваши книги: *tout vient à point à celui qui sait attendre*⁷. — Так как мы говорим о легендах и так как милый наш друг Кюфферле пишет мне⁸, что Вам жаль расставаться с Золотой Легендой, спешу сказать Вам, что возвращение книги оказывается делом не столь спешным: держите Золотую Легенду еще некоторое время у себя! — *Monsignor Milani* разочаровал меня сообщением, что в январе лекций не будет и что он ждет Вас в одно из воскресений апреля или мая. Здесь в четверги

устраивают лекции в маленькой зале del Circolo Manzoni, а в воскресенье они переносятся в большую «физическую» аудиторию университета. Я читал у них в один из декабрьских четвергов (о Петрарке и лавре, т.е. о культе лавра в поэзии Петрарки) в маленькой зале и получил, будучи павийским жителем, 100 лир⁹. О Вашем гонораре я осведомился: каноник Милани, директор кружка, обещал 300 лир и, кроме того, уплату издержек на Ваше путешествие из Levanto. Тема Ваша («св. Франциск и св. Сергий») была вполне одобрена. Впрочем, по словам Милани, он состоит с Вами в переписке. Итак, наша встреча откладывается до весны.

С сердечным пожеланием доброго здоровья и всего счастливого в новом году

преданный Вам

Вяч[еслав] Иванов

P.S. Почему Вы пишете мне на конверте «reverendo»¹⁰? Считаете ли Вы меня ошибочно священником¹¹? — Non sum dignus¹².

Письмо на бланке Collegio Borromeo.

¹ Amfiteatroff A. Fiore di Fuoco: Romanzo fantastico / Traduzione dall'originale di Valentina Dolghin Badoglio. Milano, 1931 (Biblioteca russa. №8) — Итальянский перевод фантастического романа «Жар-цвет» (СПб.: Просвещение, 1910; Собр. соч. Т.2. СПб., 1911; переиздан в Берлине в 1922). Роман повествует об интересе к спиритизму и оккультизму среди интеллигенции.

² Усеченная цитата из стихотворения Ф.Шиллера «Текла»: «Wage du zu irgen und zu träumen!» — «Дерзай заблуждаться и мечтать!» (нем.).

³ В предисловии к переизданию романа Амфитеатров писал:

Фантастический роман, подписанный моим именем, должен удивить многих моих читателей, привыкших видеть во мне постоянного и убежденного позитивиста, зачеркнувшего для себя все системы дуалистического мировоззрения, как бы они ни определялись. /.../ В начале девяностых годов я усердно занимался фольклором и историей религий. Изучение славяно-германской мифологии увлекло меня. У меня родилась мысль написать исторический роман /.../ с действием, проходящим на фоне первобытной славянской культуры. Центром романа должны были явиться легенды о «цветке жизни», сверкающей тайне молниеносного папоротника, почему и называться роман должен был «Жар-цвет». /.../ Тогда я решил оставить центром романа миф о «цветке жизни», но перенести его в современную обстановку и, вращая действие вокруг его иллюзий, развить кое-какие полемические взгляды относительно медиумических явлений, насчет которых я измладу был и остаюсь скептиком, коснуться

Редакционная коллегия: Николай Богомолов, Жан Бонамур,
Эльда Гарэтто, Александр Добкин, Джон Малмстад, Ричард
Пайпс, Марк Раев, Дмитрий Сегал, Анатолий Смелянский

Главный редактор: Владимир Аллой

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

22

ATHENEUM — ФЕНИКС

С.-ПЕТЕРБУРГ

1997

некоторых вопросов атомистического мировоззрения, сильно меня интересовавшего, а попутно рассказать несколько красивых легенд, накопленных мною в занятиях фольклором или сочиненных под их впечатлением, осветить кое-какие темные и полузабытые верования, пережитки доисторических эпох и дать широкую картину нервного и психического недуга, возникшего на их мистической почве.

Собр. соч. Т.2: Жар-цвет. СПб.: Просвещение, 1911. С. IX-XI.

⁴ Дело необычайной трудности, подвиг (*фр.*)

⁵ Имеется в виду библейская история о Валааме (в книге «Числа». Гл.22-24).

⁶ Речь идет о защищенной в 1921 докторской диссертации Иванова «Дионис и прадионисийство» (Баку, 1923). Ср.: Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.140-141.

⁷ Все приходит вовремя для того, кто умеет ждать (*фр.*).

⁸ У Иванова и Амфитеатрова фамилия поэта, прозаика, переводчика и специалиста по русской литературе Rinaldo Küfferle (1903-1955) дается и как «Кюфферле», и как «Кюферле». Ср.: Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.181. См. о нем также в предисловии к разделу.

⁹ Первая публикация этого доклада: *Il laura nella poesia del Petrarca // Annali della Cattedra Petrarcesca (Firenze). 1932. Vol.IV.* См. также: Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.180.

¹⁰ Ваше преподобие (*итал.*).

¹¹ О переходе Иванова в католичество 17 марта 1926 см. главу «Символ веры» в «Воспоминаниях» его дочери. Ходили фантастические легенды, что он не только стал священником, но и кардиналом!

¹² Я этого не достоин (*лат.*).

8. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1932.II.1

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Ваше письмо доставило мне большое, редкое удовольствие. Я такими лестными оценками не избалован. То, что Вы пишете (отчасти даже как бы покаянно) о бывлой кружковщине, к сожалению, вполне справедливо, и далеко не я один чрез то терпел отчуждение в незнаемость — неизвестно за что, про что. Я-то, по крайней мере, не страдал от того, будучи человеком беспечным и равнодушным к литературной славе, а скольких знал, которые от невнимания и, с позволения сказать, «фыркания» понывали, с сво-

его пути сбивались, чужого не находили. Я подобных всегда утешал тем, что они — против невнимательных и фыркающих — остаются в перевесе знания: эти, мол, знают только себя и своих, а вас не хотят знать, вы же и себя и своих знаете и, равным образом, их и ихних. Выгода — сумма культурности — значит, на вашей стороне.

Спасибо Вам также за известие о лекции и разрешение еще придержать *Legenda Aurea*. От Вашего каноника М[илани] я письма не получал, но апрельские воскресенья для меня наиудобнейшее время, и в одно из них я приеду с особенным удовольствием. Предлагаемый гонорар вполне достаточен, раз, как Вы сообщаете, оплачен будет и железнодорожный расход.

Относительно змеиного культа сейчас не могу Вам сказать много верного. Ведь роман писался почти 40 лет тому назад. Помнится, взял я кое-что у De Mirville из его *Pneumatologie*¹, в к[ото-]рой, конечно, много нелепостей, но и неисчислимое накопление фольклорной казуистики, интересной тем, что автор передает ее не скептически, а с полной верою.

Относительно двойственности «Жар-Цвета» Вы совершенно правы. Поэтому я и не люблю его. Робок еще был и не смел поспорить в открытую с «позитивизмом», хотя уже усумнился в непогрешимости его церкви и пап ее, учителей наших. Поэтому «Жар-Цвет» — извилина. Теперь бы написал иначе.

В священство я Вас возвел по весьма твердой молве, к[ото-]рую, если не ошибаюсь, подтвердил мне и Ф.Ф.Зелинский. А так как Ваше местожительство и преподавание в Павийской коллегии молве не противоречат, то и укрепилось во мне соответственное представление. Простите невольное заблуждение.

Радуюсь, что Вам понравились мои фольклорные работы. Не помню, послал ли я Вам «Зарю русской женщины». Если нет, то пришлю. Все это — лишь отрывки, ничтожная часть огромной работы о русском быте якобы XVII века (в действительности, всех веков с Гостомысла до — увы! — Сталина включительно). Называется он отчасти по центральному предмету, отчасти символически «Соломония Бесноватая»². Целиком печатать невозможно: негде и не для кого. Печатал, пока были подходящие издательства, в Белграде и Берлине — кусочки, вырезанные из живого тела работы³. Теперь и это прекратилось. В Белграде еще лежат две принятые мои книги того же происхождения и даже оплачены, но когда они свет увидят — неизвестно: покоятся мирным сном уже второй год. Там говорят, что было денег, истожили Игорь Северянин и Мережковский, а новых ассигновок сербы не дают⁴.

Так как по Вашему письму я заключаю, что я для Вас, в качестве писателя, личность довольно мифологическая, то позволяю себе послать Вам кое-что из своих писаний. К сожалению, нет у меня полного комплекта моих «Концов и Начал», начиная с «Восьмидесятников»¹. Но «Вчерашние Предки» написаны в такой манере, что, я полагаю, удобочитаемы и в отдельности. Там много лишнего, но, может быть, найдете что-нибудь, стоящее Вашего внимания⁶.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

¹ Речь идет об издании: Mirville J.-E. de. Pneumatologie: Des Esprits et de leurs Manifestations diverses. Paris, 1863-1864.

² Статья «Соломония Бесноватая: Человеческий документ XVII века» впервые опубликована в сборнике Амфитеатрова «И черти, и цветы» (СПб.: Энергия, 1913). 30 августа 1909 Амфитеатров писал Горькому: «Можете Вы поверить, что ни в статьях о народном творчестве, ни в статьях о первых начинаниях повести и романа, ни в статьях о демонологии эта компания знатоков ни словом не обмолвилась про повесть о Соломонии Бесноватой! Чего нагородил С.Городецкий, прямо стыдно. Сердито буду писать» (Литературное наследство. Т.95. Указ. изд. С.161). В своей статье Амфитеатров рассматривал повесть как «одно из замечательнейших по своей подробности и правдоподобию, с точки зрения психофизиологического наблюдения, изображение демономании на почве сексуального расстройтва» (С.1).

³ Речь идет о книгах: Одержимая Русь: Демонические повести XVII века. Берлин, 1929; Русский поп XVII века: Этюды. Белград, 1930 (Русская библиотека. №14). В предисловии («От автора») к последней из них Амфитеатров писал: «Книга эта представляет собою извлечение из моей работы по бытовой истории русского XVII века, под заглавием "Соломония Бесноватая". Так как действие замечательной демонологической "Повести о бесноватой жене Соломонии" развивается на фоне первобытной "поповки" северного лесного погоста, то я почел нужным, прежде всего, изучить условия существования и культурного уровня духовных лиц в северо-восточном углу тогдашней Московии. Отсюда сложилась та картина, которую теперь я предлагаю читателям. /.../ Однако должен предупредить, что некоторые, как бы, недоговоренности оставлены мною умышленно. Отчасти, чтобы не повторять параллельных мест из моей "Одержимой Руси" (1929, Берлин, изд. "Медный Всадник") и "Зари русской женщины" (1929, Белград). Отчасти потому, что эти мнимые недоговоренности шире развиты в других моих этюдах, которые, авось, малопомалу увидят свет: "Уездный город XVII века" (Устюг Великий), "Тайные люди", "Мужи кровей" и пр.» (С.3). «Русский уездный город XVII в.» вышел в Белграде в 1932 (Русская библиотека. №34).

⁴ Имеется в виду серия «Русская библиотека», субсидированная сербским правительством. Всего 43 книги были изданы в ней между 1929 и 1933 (последний том не имеет даты). В этой серии были опубликованы произведения Амфитеатрова, З.Н.Гиппиус, Е.Н.Чирикова, Б.К.Зайцева, А.И.Куприна, И.С.Шмелева, А.М.Ремизова, К.Д.Бальмонта, И.А.Бунина, В.Н.Ладыженского, Тэффи, Б.А.Лазаревского, С.П.Мельгунова, Николая Рощина, В.А.Оболенского, И.С.Лукаша, М.Алданава, И.А.Ильина, Д.С.Мережковского («Наполеон» — №1 и 2; «Атлантида-Европа» — №26 и 27; «Иисус Неизвестный» — №36, 37, 39 и 40) и Игоря Северянина (под №33 том его стихов в 1931: «Классические розы. Стихи 1922-30 гг.» с посвящением: «Ее Величеству Королеве Югославии Марии с искренним восхищением почтительно подношу в дар свою книгу — Автор»). См. также: Пурџ О. Руска литерарна Србија. 1920-1941: Писци, кружоци и издања (Джурич О. Русская литературная Сербия. 1920-1941: Писатели, кружки и издания — *сербск.*). Београд, 1990. С.189-202.

⁵ Роман «Восьмидесятники» (Т.1: Разрушенные воли; Т.2: Крах души. СПб.: «Общественная польза», 1907). Во втором издании (1908) роман получил подзаголовок «Хроника 1880-1908 гг.», а в третьем (Собр. соч. Т.11-12. СПб., 1911) — «Концы и начала. Хроника 1880-1910 гг.». Пятое издание романа было выпущено в двух томах в Берлине в 1923.

⁶ Вчерашние предки: Роман в пяти частях. Т.1-2. Новый Сад: Русская типография С.Филонова, 1928-1929.

9. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1932.III.26

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

поздравляю Вас с праздником Пасхи и желаю Вам провести его в радости и благополучии. Пасхи в этом году разошлись жестоко: русской надо ждать еще месяц с лишком. Символ, что ли?

Ф.Ф.Зелинский прислал мне на днях отпечаток своей статьи о Willamowitz¹. Вероятно, и Вы ее получили?

Если вопрос о моей лекции в Павии не заглох совершенно, то я был бы рад получить о том известия и — в случае «да» — просил бы назначить ее на последнее апрельское воскресенье 24 апреля, или уже на 1 мая (хотя это наша русская Пасха). Если же вообще «нет», то не полнитесь уведомить меня поскорее, чтобы я о лекции уже не заболелся.

До свидания. Да! А биографические и библиографические данные, о коих писал Вам мой сын В.Кадашев? Очень ждет².

Еще раз всего Вам хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

Почтовая открытка. Штемпель: Levanto. 26.3.32. Послана: «Al Chiarissimo Professore [Светлейшему Профессору] Venceslao Ivanov».

¹ Вилламовиц-Мёллендорф Ульрик фон (1848-1931) — немецкий филолог-классик, который впервые получил известность своим полемическим ответом (1872) на кн. Ф.Ницше «Рождение трагедии». Статья Зелинского нами не разыскана.

² 22 февраля 1932 старший сын Амфитеатрова от первого брака Владимир Александрович (1888-1942), писавший под псевдонимом *В.Кадашев*, написал В.И.Иванову из Леванто:

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Простите, что не будучи лично Вам известен, решаюсь обратиться к Вам с просьбою.

Но дело в том, что никто, кроме Вас, не может помочь мне в моих затруднениях.

Мой отец в настоящее время работает над составлением для итальянского перевода книги по истории русской литературы и привлек к сотрудничеству меня. В мое ведение входят главы, касающиеся последних 3-х десятилетий. И вот, приступив к главе о символизме, я очутился в ужасном положении: после продажи в Прагу библиотеки, у нас в доме нет ничего из Ваших сочинений.

Если бы Вы были так бесконечно любезны одолжить их на время, конечно, с гарантией, что они вернутся целы и невредимы?

Равным образом, был бы бесконечно благодарен за сообщение Ваших биографических сведений и, вообще, всего, что Вы найдете нужным сообщить о себе.

Надеюсь, что эта просьба Вас не затруднит, и заранее благодаря Вас, еще раз прошу извинить меня за беспокойство. Мой отец просит передать Вам привет.

Остаюсь искренне уважающий

Владимир Амфитеатров-Кадашев

Адрес мой тот же, что у моего отца.

(Оригинал хранится в римском архиве В.И.Иванова)

10. Иванов — Амфитеатрову

Pavia, Almo Collegio Borromeo

25.IV.[19]32

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Валентинович,

Безмерно виноват я перед Вами, испытывая дружеское долготерпение Ваше столь долгим и неблагодарным молчанием: стбит ли уж и смягчающие обстоятельства приводить в свою защиту?.. Наконец-то приношу Вам выражение моей глубокой и сердечной

признательности за дары Ваши щедрые, — и вещественно щедрые, и душевно! С величайшим увлечением и почти непрерывным любованием на художническую (Репинскую, что ли) силу Вашу, — богатырскую, хотя и не высветленную до художественной гармонии силу и фантазию Вашу, — прочел я «Вчерашних Предков», этот фрагмент Ваших «Ругон-Маккаров»: *mieux tard que jamais*¹, — как ни стыдно признаваться в своем невежестве на старости лет. Да, Вы большой и — несмотря на внешний успех и известность — неоцененный по достоинству писатель. Все Ваши лица стоят передо мной как живые, каждое говорит своим единственным языком; каждый мазок верен, выразителен, сочен, колоритен. Сатиры слишком много, традиционного обличительства: чудное дело сатира, — юмор вечно зелен и свеж, а вот уж какой сатирик был Щедрин, а забыт! И запах позитивизма вредит, — неотвязный, как запах больничного иодоформа. Леденящее дыхание позитивизма омертвило весь мир Флобера (которого люблю не за «Саламбо», а за «Бовари»), — а ведь какой тонкий и изумительный был он художник! Но к Вам все это относится лишь отчасти: роман Ваш все же не сатира в целом, и позитивистом Вы были также лишь отчасти, платя дань времени и постоянно (каким-то глубоко в Вас заложенным, как манящий соблазн, магиейством) из позитивизма выбиваясь. Натурализм, или веризм, сам по себе стихия художественно здоровая, нехороша только его рассудочная позитивистическая подоснова, или предпосылка. Отсюда в нем это quasi-научное рассечение целостной жизни на обособленные специальные сферы, или «среды», каков, например, мир деловиков с их непременными спутниками и паразитами: ан за деревьями и не видишь леса. Вы именно и хотели, чтобы запахом мертвецкой отдавало от Вашей пессимистической вырезки русской жизни, и кажется, будто эта вырезка представляет всю русскую жизнь и что единственно здоровыми в ней элементами были Постелькин (которого Вы мастерски, но скрепя сердце, показали достойным уважения и сочувствия) да старые революционеры, которых Вы любите, хотя исторически их следовало бы осудить как элемент именно нездоровый; да и не уживаются между собою мирно Постелькин и старые революционеры, как Вы их ни мирите в лице Постелькина. *Вся* Россия, конечно, была разложена, но *всей* России у Вас все-таки не видишь; да и было же в ней одно-ко что-нибудь живое, какое-то невидимое семя горчичное², — иначе уже нет, в наши-то дни, абсолютно никакой надежды на ее восстание из мертвых. А есть ли в Вас еще эта надежда? Вот это наш самый последний и большой вопрос... Чудно еще: я родился и воспитался в Москве — и не люблю ее, как-то давила она на меня

с детства; а между тем старую Никольскую и Ильинку я всегда ощущал фантастически и живописно привлекательными (как любил до страсти и ветхие Ряды), — привлекала меня московская Сити с ее церковками среди магазинов, складов и контор, с ее дорезанными и недорезанными скопцами... У Вас же не видно ко всему этому никакой нежности, хотя Вы больше москвич, нежели я... Но довольно праздной болтовни, словно я критику пишу в старинный пухлый ежемесьчник. Одним словом: очень хорошо, очень крепко, — силачески и фантастически размашисто!

В немалое затруднение поставило меня письмо Вашего сына, с которым рад я был заочно познакомиться. Ничего почти у меня из моих книжек под рукою нет: немного, что имею в *единственном* экземпляре, взято на чтение друзьями (между прочим, нашим другом Кюфферле, который меня изучает и переводит, — кстати, нужно бы Вам молодого талантливое писателя, к Вам относящегося с какою-то просто сыновнею любовью и почитанием, на его первых шагах ободрить, — разве не по сердцу Вам его очень замечательный дебют «Il cavallo cosacco»³?). Итак, прислать мне нечего, увы, а вот из книжки французской «Переписка из двух углов» можно почерпнуть кое-какие биографические и библиографические сведения, — м[ожет] б[ыть], их будет довольно. Посылая Вам на память эту книжку, надеюсь, что Вы прочтете в конце ее мое открытое письмо к Charles Du Bos о моем взгляде на Россию, советскую и эмигрантскую, о католичестве, о культуре: это Вам ближе меня покажет⁴.

Не знаю, следовало ли мне положиться на обещание каноника Милани, заведующего циклами лекций в здешнем Circolo Alessandro Manzoni, что он непременно Вам напишет, чтобы окончательно условиться о лекции. Он уверяет (но не очень-то я ему верю!), что уже давным-давно писал Вам, да, видно, письмо его не дошло. Лекцию предполагал он на май—июнь, и, по моей просьбе, не назначил ее на русскую пасху, а на 8 мая, так и решил, обязуясь немедленно Вас о том уведомить. Гонорар от 300 лир, кроме того, оплата поездки и остановки в гостинице «Stose Bianca»⁵, тема («св. Франциск и св. Сергей») им чрезвычайно нравится — сравнение, говорят, «двух культур», место лекции — большая аудитория в унив[ерситете]. Он было предполагал назначить лекцию на первое воскресенье, 1-го мая, но я просил остановиться на 8-ом мая. Если он все же не писал, уведомьте меня *espresso*, и я забью тревогу. Видеть его часто не удастся, — он человек деловой (fin troppo!⁶). С нетерпением жду свидания. Поздравляю со светлым праздником.

Глубоко Вам преданный Вяч[еслав] Иванов

¹ лучше поздно, чем никогда (*фр.*).

² См. Евангелие от Марка 4:30-32.

³ «Казацкая лошадь» (*итал.*). Первая публикация: Milano, 1931. Была перепечатана в сборнике «Persone e personaggi» (Milano, 1934).

⁴ Речь идет об издании: *Correspondance d'un coin à l'autre / Précédée d'une introduction de Gabriel Marcel et suivie d'une lettre de V.Ivanov à Ch. Du Bos / Traduction du russe par Héléne Izwolski et Charles Du Bos.* Paris: Editions Roberto A'Corréa, 1931. Это перевод русского издания (Пб.: Алконост, 1921). Свое письмо к Шарлю дю Босу (1882-1939), французскому писателю, автору произведений на религиозные, философские и литературные темы, редактору журнала «Vigile» (где перевод «Переписки» на французский впервые появился в 1930), Иванов написал по-французски. Впоследствии переведено на русский Ольгой Дешарт. Французский текст и русский перевод письма см.: Иванов Вяч. Собр. соч. Т.3. Брюссель, 1979.

⁵ Белый крест (*итал.*).

⁷ Даже слишком, чересчур (*итал.*).

11. Амфитеатров — Иванову

Levanto, 1932.IV.29

Дорогой Вячеслав Иванович,

Сердечно благодарю Вас за милое письмо. Глубоко растроган Вашими добрыми словами. Критику Вашу приемлю безоговорочно, — за исключением, пожалуй, указаний на фантастический элемент. Как это ни странно, но в «Вчер[ашних] Предках» выдумки почти вовсе нет, так что работа моей фантазии сводится только к преувеличению фактических основ, иногда с перемещением действия. Это относится даже к сценам сатанического сообщества. Не так давно в газете «Сегодня» я рассказал, как и откуда я взял дьяволоподобную баронессу и «сонм» ее¹. И во всем прочем так. Воображать — как, люблю и не боюсь быть романтиком, но в *что* столь же люблю опираться на человеческий документ, да, собственно говоря, иначе и писать не умею.

От каноника Милани я никакого письма не получал, а, так как замечено учеными, что по почте не доходят письма только не посылаемые, то... спасибо, что хлопотали о 8 мая, но вышло так, что долго не получая от Вас известий, я подумал было, что лекция вообще не состоится, а потому и принял на 8 мая другое приглашение здесь, в Лигурии, по соседству, от которого теперь отка-

заться было бы очень неудобно. А так как канонику Милани нравится первое воскресенье июня, т[о] е[сть] 5 июня, то и прекрасно: остановимся на этом дне, у меня свободном и совершенно мне удобном.

О Ринальдо я поговорю с Вами при свидании. Он паренек не плохой и стоящий внимания и участия. Сейчас очень спешу на почту.

До свидания. Вы Пасху отпраздновали уже, а нам еще завтра она предстоит. Буду ночью слушать по Radio службу из Женевы. А вчера получил горестное сообщение из Бари от кн[язя] Жевахова²: дела русского тамошнего подворья так плохи, что нет средств выписать священника для Светлого Воскресенья, и Пасха — в городе св[ятого] Николая и у гробницы его — пройдет без заутрени... Вот они — наши православные благочестивцы и усердствующие, архиереи, книжники и фарисеи. Грызться между собою мастера, а в церкви, за их пустосветскими спорами и вздорами, гаснет Божий свет и водворяется мерзость запустения...

Только что вышло 2-е издание моей «Стены Плача и Стены Нерушимой»³. Посылаю Вам ее. Книжка эта, два года тому назад, на шумела много. Теперь я ее немножко изменил, немножко освежил. А также посылаю Вам «Восьмидесятников», коих, однако, в дар поднести не могу, потому что цельного экземпляра у меня у самого ни одного нет, а только сборные — первая половина 6-го издания (зарубежного), а вторая — третьего изд[ания] (Просвещенского) и в безобразном виде. Познакомить же Вас с «Восьмидесятниками» хочу потому, что из них увидите, что к мраку «Вчер[ашних] Предков» я пришел путем не случайным, а в довольно-таки логической, хотя и плачевной, последовательности.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Христос Воскресе!

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

О лекции — на всякий случай — послал Вам телеграмму.

¹ В статье «Сатанинские мессы и невероятные правды» Амфитеатров писал:

Признаюсь: варшавские разоблачения произвели на меня весьма сильное впечатление. И повторю: может быть, к стыду моему, но — отчасти торжествующее. Потому что, по выходе в свет моих "Вчерашних Предков", я был несколько огорчен недоверием некоторых уважаемых мною друзей моего описания к картинам московского сатанинского общества в третьем и четвертом томах названного романа.

— Как хотите, — писал мне литератор, весьма ко мне расположенный, — а на этот раз вы изменили своему обычному ре-

ализму: фантастично и невероятно! Это романтический вымысел, а не натура.

Между тем, в фактической основе укоряемых глав вымысла нет нисколько. Каждый эпизод там построен или на виденном (это, конечно, реже всего), или на достоверно слышанном, или на вычитанном из хороших, добросовестно наблюдательных источников. Вымысел — только в романтическом расширении изображаемых явлений.

Сегодня. 1930. 28 сентября. №268

См. также продолжение этой статьи: Спириты и сатанисты. Там же. 1930. 5 октября. №275; Вербовщица Сатаны. Там же. 1930. 26 октября. №296. В последней, в частности: «С этого чудища запала мне в голову мысль ввести в действие "Вчерашних Предков", которых я тогда обдумывал, сатаническую фигуру баронессы Эйс Гаутон. И я начал ее писать, но не портретом, который вышел бы непримиримо противным, как фотография похабной ведьмы с шабаша».

² *Жевахов Николай Давидович (1880?-1947, Вена)* — товарищ обер-прокурора Святейшего Синода, с 1911 член Комитета для сбора пожертвований и построения в Бари храма Св.Николая. В эмиграции жил в Риме и в Бари, где управлял подворьем Св.Николая. Активный антисемит. Симпатизировал Братству Русской Правды (см. предисловие к разделу). О нем см.: De Michelis C. Il principe N.D. Ževaxov e i «Protocolli dei savi di Sion» in Italia // Studi storici. 1996. Anno 37. Luglio-settembre. P.747-770.

³ *Стена Плача и Стена Нерушимая* / Изд. второе. Брюссель: Союз русских патриотов, 1931. В предисловии («От автора»), датированном 2 июня 1931, Амфитеатров писал: «Странную судьбу имела эта книжка в первом издании. Зарубежная печать ее глухо замолчала. /.../ молчание печати не помешало изданию быстро разойтись и найти широкий и громкий отклик в эмиграции, не прекращающийся и посейчас. Сто семьдесят восемь писем принесла мне "Стена Плача и Стена Нерушимая" /.../. Почти во всех письмах — требования на экземпляры "Стены" для распространения, а, между тем, книга давно "вся вышла". Это побуждает меня выпустить в свет ее второе издание». Книга является откликом на разрушение большевиками в Москве часовни Иверской Божьей Матери и других святынь. Амфитеатров укоряет русскую эмиграцию за ее нежелание и неумение отстаивать свои религиозные и национальные святыни. Книга открывается вопросом: «Отчего мы такая дрянь?» Впервые напечатана в 25-ти частях в газ. «Новое время» (Белград) между 24 сентября 1929 и 25 апреля 1930. Первое отд. изд. — Белград, 1930.

12. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1932. V. 7

Дорогой Вячеслав Иванович,

Ваше письмо получил. Спасибо. Канонику посылаю с сим одновременно письмо, предлагая ему на выбор 29 мая, 5 и 12 июня.

«Восьмидесятников» пошлю Вам в понедельник. А «Стену Плача» получили? «Золотую Легенду» привезу. Между 10 и 20 мая во Флоренции — Мережковские. Звали меня туда, да не так это близко, — может быть, мимолетом, побывают у меня?¹ Интересно бы послушать их о Париже. До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Надеюсь, скоро увидимся.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

Почтовая открытка. Почтовые штемпели: Levanto. 7.5.32; Pavia. 8.5.32.

¹ 28 апреля 1932 Гиппиус писала Амфитеатрову из Парижа: «Отсюда кажется, что Ваше Levanto и Флоренция — рукой подать. А потому мы с Д.С. [Мережковским] в глубине души надеемся встретиться с Вами во Флоренции, где мы будем между 10-20 мая. Очень бы этого хотелось» (Новый журнал. 1992. №187. С.298). Встреча не состоялась. См. также публикацию писем Мережковского к Амфитеатрову, подготовленную Ж.Шероном и М.В.Толмачевым: Звезда. 1995. №7. С.158-169 (особенно письмо из Флоренции от 15 мая 1932 — С.167-168).

13. Иванов — Амфитеатрову

8 мая [19]32

Дорогой Александр Валентинович,

Ваша телеграмма была мною немедленно показана мною [Так! — Публ.] увилисту канонику, который в ответ демонстрировал мне конверт с надписанным Вашим адресом в доказательство, что как раз Вам пишет; при этом он уверяет, что уже писал Вам, — явно врет. Кроме сего, — так как он желал иметь для здешних газет заметку о Вас, чтобы напечатать ее перед лекцией, — то я вручил ему статейку о Вашей литературной деятельности, написанную ad hoc¹ по моей просьбе нашим милым Ринальдо. Сим исчерпал я все свои возможности воздействовать на каноника и просил его сноситься с Вами отныне непосредственно. Относительно 5 июня он выразил некоторое сомнение, не помещает ли в некоторой мере лекция то обстоятельство, что она совпала бы с festa dello Statuto². И разное сообщал о других своих знаменитых лекторах, которые перемещают назначенные для них дни; чего я не усвоил, п[отому] ч[то] все было неопределенно, и ограничился тем, что взял с него окончательное и торжественное заявление, что он немедленно с Вами спишется окончательно. Однако, он мне что-то не сообщает, на чем Вы с ним порешили. Буде он все еще не писал Вам, запросите его о дне лекции сам[su], по адресу: Rev-mo Prof. Canonico Milani. Piazza Municipio, Pavia.

Это уже, несомненно, будет действительно. Мне очень жаль, что такая простая вещь вызвала, благодаря посторонней деятельности каноника, столько осложнений.

Благодарю Вас за доброе письмо и за обещание выслать мне на прочтение «Восьмидесятников», которых мне очень хотелось прочесть. Но их я еще не получил. Кстати, принужден просить захватить с собою в Павию «Золотую Легенду», не мне принадлежащую. Спешу. Авось, до скорого свидания.

Глубоко преданный Вам

Вяч[еслав] Иванов

¹ для данного случая (*лат.*).

² Праздник конституции (*итал.*). Речь идет об итальянской конституции, действовавшей с 1861.

14. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1932.V.27

Дорогой Вячеслав Иванович,

извините, что не послал Вам «Восьмидесятников»: в тот понедельник денег не было, а сейчас уже не стоит посылать, так как 5-го июня должен я сам быть в Павии и привезу с собою, как «Восьм[идесятников]», так [и] *Legenda Auea*. Только меня смущает канониково безмолвие после писем, которыми мы обменялись любезнейше. В последнем, утвердив лекцию определенно на 5-е, он писал мне, что после 15-го мая сообщит мне условия, предлагаемые комитетом. Я, по правде, полагал, что условия эти давно установлены, как то было в Вашем письме: это 300 лир, проездные и суточный расход в отеле. Поэтому кратко ответил, что на 5-ое июня согласен, а затем жду его *ulteriore notizie*¹. Но с тех пор никаких *notizie*'в не имею, а между тем до 5 июня остается всего десять дней, в кои мне надо весьма лекцией заняться. Она у меня готова и много времени взяла и у меня и у моей жены, ее переводчицы, но надо еще обработать ее стилистически и прорепетировать ее произношение, что опять-таки требует времени и времени. Так что, пожалуйста, не поставьте себе в труд исполнить новую мою просьбу: изловите *reverendissimo* и внушите ему, чтобы он немедленно известил меня обещанным письмом, что и как. Самому мне напоминать ему как будто не совсем ловко, я потому буду Вам очень признателен, если Вы это исполните. Извините, что беспокою. Надеюсь, до скорого свидания и желаю вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

Почтовая открытка. Почтовые штампы Levanto и Pavia: 27.5.32.

¹ дальнейшие сообщения (*итал.*).

15. Иванов — Амфитеатрову

28 мая [19]32

Дорогой Александр Валентинович,

Мне хотелось устроить Вашу лекцию в Павии. Единственное место для этого — *Circolo Alessandro Manzoni*. Учреждение старинное и почтенное. Сам я прочел там, по приглашению каноника, им заведующего, в виде лекции то, что было под рукой — готовый этюд о Петрарке, ныне напечатанный в парижской «*Vigile*»¹. За мое указание на желательность Вашей *conferenza* любезный каноник с жаром ухватился. Я предлагал ему назначить вместо моей лекции в декабре Вашу, потому что я, живя в Павии, не связан никакими сроками; но он сказал, что Вы — воскресный, а не четверговый лектор (по четвергам устраивают маленькие интимные лекции, а по воскресеньям — в большой аудитории), и что в декабре все воскресенья заняты. С января, однако, лекций вовсе не было; каноник сдвинул почему-то все приглашения сначала на весну, а потом — на июнь. Почему все это так сделалось, никто не знает; пути каноника неисповедимы. Говорят про него только, что он вообще обманщик, проныра и аферист. Но к устройству лекций последние два качества не имеют явного отношения; в первом же мы с Вами, увы, убедились, — однако, и оно ничего по существу не объясняет. Как бы то ни было, мне было очень неприятно и стыдно, что я невольно оказал Вам, быть может, медвежьё услугу; доверившись за Вас и побудив Вас довериться этому Чичикову в сутане. Теперь это чувство вины перед Вами возросло до ярости на каноника на основании последних фактов.

А именно, во вторник вечером (пишу в субботу) был я у него, чтобы узнать о Вашей лекции (хотя было условлено, что мне не о чем больше заботиться, п[отому] ч[то] он сносится с Вами непосредственно). Он сказал мне, что получил от Вас «*una bella e meravigliosa lettera*»², где Вы предлагаете назначить лекцию на 5 июня. Но — восклицал он — ведь в этот день приезжает *Starace*³ для студенческого *comizio*⁴ по случаю *della festa nazionale (Statuto)*⁵ и что *forse* majeure отложил лекцию на другое воскресенье, о чем он-де Вас с извинениями и уведомляет; предоставляя себе право назначить одно из других воскресений в июне, и что все остальное между Вами «*combinato*» и «*sistemato*»⁶ и чтобы я ни о чем не тревожился. А сегодня наш ректор говорил мне, что слышал от

него вчера, что лекции распределились так: завтра, 29 мая, senator Meda — о Сильвио Пеллико⁷; 5 июня — festa dello Statuto; 12 и 19 июня — Marciano о св. Августине и prof. Капо о Гете⁸. — И когда ректор спросил: «е Amfiteatrof»⁹, то услышал «gli ho scritto di rinviare»¹⁰... значит 26 июня? — Но так как при этом он опять Вам ничего не пишет, то мне остается только заявить ему, что все его поведение нечестно. Следует все же прибавить, что поименованные лица были приглашены для лекций на означенные темы с начала академического года. Не знаю, чем все это разрешится. (Есть еще Ada Negri¹¹, но она «четверговая».) Потребуйте от него окончательного ответа — меня он опять обманет, а от него нужен письменный документ. — Все же не окончательно потерял надежду с Вами увидиться здесь хотя бы и в самом конце июня.

Ваш душевно

Вяч[еслав] Иванов

Разумеется, я с своей стороны буду искать возможности переговорить с каноником определенно.

¹ La vision du laurier dans la poésie de Pétrarque / Traduit de l'italien par Jeanne Lac // Vigile (Paris). 1932. Premier cahier. P.59-73. См. также прим. 9 к письму 7 наст. публ.

² прекрасное и замечательное письмо (*итал.*).

³ *Стараче* Акилле (Starace Achille; 1889-1945) — итальянский военный деятель, с 1931 по 1939 — секретарь фашистской партии, ответственный за пропаганду. С 1936 — министр и гос. секретарь. Был арестован и расстрелян партизанами.

⁴ митинг (*итал.*).

⁵ национальный праздник (конституции) (*итал.*).

⁶ устроено... улажено (*итал.*).

⁷ *Медда* Филиппо (Meda Filippo; 1869-1939) — итальянский адвокат, журналист и политический деятель, близкий к католическим кругам. В начале 1920-х занимал антифашистскую позицию. *Пеллико Сильвио* (1789-1854) — итальянский политический деятель и писатель-романтик. Будучи арестован по политическому обвинению в 1820, приговорен к смертной казни, затем помилован и провел 10 лет в каторжной тюрьме, чему посвящено его произведение «Мои тюрьмы» (1832).

⁸ *Марчиано* Дженнаро (Marciano Gennaro; 1863-1944) — итальянский юрист и адвокат. Сенатор с 1913 по 1921 и во время фашистской диктатуры. *Капо* (*Сапо*) — по всей вероятности, речь идет об Инноченцо Каппа (Innocenzo Capra; 1875-1945), профессоре, критике, авторе книг о Дан-

те, Машины и др. Его фамилия встречается в других письмах Амфитеатрова этого же периода.

⁹ А Амфитеатров? (*итал.*)

¹⁰ Я ему написал и просил отложить (*итал.*).

¹¹ *Негри Ада* (1870-1945) — в то время очень популярная итальянская поэтесса и прозаик.

16. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1932.V.31

Дорогой Вячеслав Иванович,

Получил Ваше письмо и *espresso* каноника вчера одновременно. По правде сказать, начинаю думать, что каноник происходит не от «канона», но от «сапе»¹. Потому что посадил он меня в лужу пржеестоко. Во всех отношениях. Во-первых, потому что, спеша с работой над лекцией, я и себя и жену измучил без всякой надобности. Во-вторых, потому что, ради спеха, запустил другие работы, что меня весьма изубыточило. Поэтому теперь я от лекции вообще уже не могу отказаться, хотя бы и весьма того желал, в виду явного нехотения каноника допустить меня к оной. 1-го июля мне предстоит пренеприятный платеж, для к[ото]рого я определенно рассчитывал на павийский гонорар от 5 июня и без такового взвою. А потому, спрятав самолюбие в карман, отвечаю канонику, хотя серьезно и хмуро, но вежливо и с почтением по сану. В июне у меня все воскресенья свободны; так что я в любое могу читать, но требую твердого срока и твердых условий. Я не написал ему прямо «26 июня», чтобы не явить, что знаю от Вас об уже занятых 12 и 19. Но как же он-то предлагает мне июньские воскресенья, зная, что из четырех свободно только одно? Очень досадно мне и то, что таким образом опять повисает в воздухе свидание с Вами, весьма мне желанное.

Кюфферле прислал мне книжку своих стихов². Не знаю. Может быть, они и хороши (Вы, кажется, его поощряете), но для чего они нужны? Не в утилитарном каком-либо смысле спрашиваю, а в том, что должна же в стихотворении чувствоваться причина, по коей требует поэта к священной жертве Аполлон³. А у Ринальдо, как и у подавляющего большинства бесчисленных ныне стихотворцев, никакой внутренней причины к патетике, подъемлющей речь до необходимости в ритме стиха и рифмах, нет: все — формальные упражнения в способности рифмовать, ритмовать «не хуже других». Ну, не хуже, так не хуже, — тем лучше, хотя,

по-моему, тем хуже. Парень способен на много лучшее, чем кропа-ние посредственных стихов и таковых же рассказов, а попусту тратит на них труд и время, вместо того, чтобы развиваться и пополнять серьезно свое образование, весьма слабое, несмотря на его докторскую степень. Если бы он был так себе, дрянцо с пыльцой, честлюбивый графоманчик, каких сейчас тысячи, я слова не сказал бы против его упражнений, столь же безвредных, сколь бесполезных: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Но ведь ради всего этого он непозволительно запустил свои работы, действительно полезные, затормозил исполнение принятых заказов и своих обещаний и пр., и пр. Да еще и связался с таким плутом и жуликом, как его издатель Locatelli! Все это — его дело, и я ему ничего по этим его делам не говорю, но он знает, вернее, чувствует, что я им с этой стороны не весьма восхищаюсь, и мною недоволен, а так как знает, что я его люблю, да, кажется, и он меня любит, то мой чувствуемый скептицизм его удручает. Вы, конечно, не говорите ему о том, что я теперь написал Вам. Пусть будет «в неведение спокоен». Откладывал разговор до личного свидания, да — с капризами каноника — когда оно теперь состоится?

Получили ли Вы «Стену Плача и Стену Нерушимую»?

«Золотую Легенду» и «Восьмидесятников» я теперь, все-таки, лучше pošлю Вам почтою. На днях будут на то лиры.

Получил письмо от Бунина⁴. Воет, — даже он! — что очень плохо приходится ему. До свидания, пока что. Желаю Вам всего хорошего!

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

¹ собака (*итал.*).

² Il Pollice riverso: Versi. Pontedera: Tipografia A.Vallerini, 1920.

³ См. начальные строки «Поэта» (1827) А.С.Пушкина.

⁴ В последней, восьмой части своей статьи «Литература в изгнании» Амфитеатров писал:

Когда проходишь предгорья, вступаешь в горы, когда поднимаешься на горы, достигаешь вершин. Так и я, совершая свое странствие по высотам русской зарубежной литературы, прихожу, наконец, к двум ее вершинам, именам которых, вероятно, суждено обозначить исторически нынешний ее период. Имена эти — для поэзии стиха — Константин Дмитриевич Бальмонт, для поэзии прозы — Иван Алексеевич Бунин.

Новое время. 1929. 26 мая. №2419.

Там же о Бунине, «короле нашей современной художественной прозы», далее говорится:

Великою надеждою русской литературы Бунин был с первого появления в ней тридцать лет тому назад. В своем предсмертном письме ко мне Антон Чехов указывал в Бунине своего преемника (за «Чернозем»). /.../ Словом, признание Бунина литературным светилом дело давнее, дореволюционное и довоенное. Но только в эмиграции гений Бунина явил нам всю свою мощь и многогранность, весь свой блеск и беспредельно широкий охват. /.../ Современный Бунин — как бы синтез русской литературной мысли, по крайней мере, за три четверти века. Спокойный, мудрый, чудотворно разнообразный, он весь и всегда свой, никогда никому не подражает, а, между тем, в нем, как лучи в общем фокусе, сошлись и слились все. Изучать Бунина в зарубежном периоде значит видеть перед собою все положительные стороны русской художественной прозы, начиная чуть не с Пушкина.

17. Иванов — Амфитеатрову

14 июня [19]32

Дорогой Александр Валентинович,

В воскресенье, 12-го числа, имел я свидание с нашим каноником, коему предъявил запрос: что значит его газетное объявление об июньских лекциях, в котором Ваша лекция не упомянута. Он отвечал: «Но Вы же знаете о неприятностях и борьбе с властями по поводу лекции сенатора Meda? Пришлось передвинуть ее, предположительно, на Петров день, 29-го, и еще не известно, состоится ли она; в этом случае у меня в запасе (subentra) Sig. Amfiteat-roff». На это я разразился речью наподобие «quousque tandem, Catilina»¹. Я изложил ему, что Signor A. не такой лектор, которого можно держать в запасе на случай надобности, что каноник связан формальным обязательством, которое должно быть во что бы то ни было реализовано, что Вы можете требовать с него оплаты труда, положенного на приготовление лекции, и [покрытие?] убытков, причиненных прекращением из-за лекции очередной еженедельной литературной работы в течение 8-10 дней. Каноник рассыпался в изъявлениях своего уважения к Вам и пролепетал, что именно в силу этого уважения ему было бы желательно «in-augurage»² Вашу лекцией... «Следующий лекционный сезон?» — прогремел я, перебивая его: «это совершенно исключается! — Вы обязаны найти любой день для лекции — четверг, если Вам угодно — обязательно еще в текущем цикле. Обязуетесь ли Вы сделать это и даете ли мне на этом Ваше честное слово». «Ma sì, ma sì,

certo, stia tranquillo, tutto sarà fatto, gli scriverò fissando il giorno della conferenza, non se ne preoccupi...»³ — «Разрешаете ли Вы мне немедленно уведомить моего моего друга, что Вы связали себя честным словом устроить, во что бы то ни было, его лекцию в конце июня или начале июля?» — «Ma sì, ma sì, scriva Lui⁴, scriva pure — a rivederLa, — scriva pure, — la riverisco...»⁵
??..

Преданный Вам и виноватый перед Вами
В[ячеслав] И[ванов]

P.S. Нельзя ли книги послать наложным платежом? Мне было бы это очень приятно, но я не знаю, можно ли это устроить.

Благодарил ли я Вас уже за Стену Нерушимую? Мы поговорим о ней при встрече. Книга превосходно написана, но согласиться с Вами нельзя.

В оценке первых литературных шагов нашего молодого друга Ринальдо я также держусь особого мнения; поговорим и об этом при встрече.

Лекции вообще устраивают теперь в Circolo с немалым трудом — лекция сенатора Meda неизвестно состоится ли; есть еще Сапо (о Гете), которая ждет давно. В воскресенье вечером была лекция сенатора Magliano о св.Августине в театре, с платой за вход по 5 лир на достройку собора.

¹ Начало первой знаменитой речи Цицерона против Катилины (63 г. до н.э.): «Доколе, Катилина...»

² открыть (*итал.*).

³ Ну да, ну да, конечно, не беспокойтесь, все будет сделано, я ему напишу и назначу день выступления, не беспокойтесь... (*итал.*).

⁴ Так в тексте. Должно быть *gli scriva*.

⁵ Ну да, ну да, пишите ему, пишите, до свидания, всего доброго (*итал.*).

18. Иванов — Амфитеатрову

17.VI.[19]32

Дорогой Александр Валентинович,

Ваше официальное итальянское письмо Вы решительно *испортили* русскою припиской, которая лишает его той... юридичности, что ли, какую Вы хотели ему придать. Почему Вы не приложили этого русского пост-скриптума на отдельной бу-

мажке? Так как письмо едва ли не означает полный разрыв¹, я думаю, что с представлением его канонику еще можно и следует повременить, почему и пересылаю его Вам обратно в надежде получить его от Вас переписанным начисто, без русского пост-скриптума, для немедленной передачи канонику. Я бы прибавил в нем еще, что и 3 июля Вам удобно как день для лекции, и вычеркнул бы слова: «salvo a non dovermi presentare sotto le spoglie di uno sostituto in riserva»², которые относятся к одной фразе каноника в нашем интимном разговоре, на которую я тогда же резко возразил, — но это было с моей стороны только воспитательной мерой. В действительности, каноник только про себя рассчитывал, что он имеет Вас в запасе на 29-го июня, если по причинам политическим нельзя будет объявить лекцию сенатора Меды на этот день (однажды она была уже отклонена) и ему придется от нее отказаться: по существу дела, здесь нет для Вас ничего обидного и никакой вины со стороны Милани, только он выразился как-то неловко, что я и выдвинул в разговоре с ним, оберегая ревниво Ваше достоинство, — но обо всем этом Вы даже не должны были бы знать. Итак, жду от Вас чистой копии Вашего ультиматума, если Вы предпочитаете послать его Милани через мое посредство.

Если посылаете книги («Восьмидесятники» и *Legenda Aurea*), пошлите их, прошу Вас, наложным платежом, чтобы я мог заплатить здесь за их пересылку.

Душевно преданный Вам

Вяч[еслав] Иванов

¹ Приписано на полях: «который мне все же хотелось бы предотвратить, п[отому] ч[то] я убежден, что Ваша лекция Милани действительно желательна, но что он запутался в принятых на себя обязательствах».

² Но я бы не желал выступать, как заместитель в запасе (*ital.*).

19. Амфитеатров — Иванову

Levanto. 19.VI.[19]32

Illustre Amico,

Prima di rispondere alla sua gentile lettera, ho lasciato passare tre giorni, nella speranza di vedermi arrivare qualche cenno dal Sig. Canonico Milani. Purtroppo, non mi è pervenuto niente.

Il 29 giugno mi sarà comodo, come pure il 3 luglio, ma bisogna che la data sia stabilita una volta definitivamente. E' proprio stranis-

simo cha il Sig. Canonico voglia trasgredire le proprie categoriche promesse e in questa maniera metta se stesso in una situazione poco piacevole verso Lei e me.

Rifiuto assolutamente il rinvio della conferenza alla prossima stagione. A meno che io sia pagato adesso, in compenso dei danni da me subiti, derivanti dai disinvolti rinvii del Sig. Canonico. Se egli fosse stato in principio contrario alla mia conferenza, poteva dirmelo subito, senza farmi perdere tempo e fatica di quasi 15 giorni di preparazione, rinviandomi da una domenica all'altra.

Dunque arriverderci a presto (speriamo). La ringrazio tanto del suo gentile e paziente interessamento. Tante buone cose.

Suo dev[otissim]o

Alessandro Amfiteatroff

Машинопись с подписью.

Приводим его перевод с итальянского:

Леванто, 19.VI.[19]32

Глубокоуважаемый Друг,

Прежде чем отвечать на Ваше любезное письмо, я в течение 3-х дней все еще ждал и надеялся получить хоть какое-нибудь сообщение от Г-на Каноника Милани. К сожалению, мне так ничего и не пришло.

Мне одинаково удобно и 29 июня, и 3 июля, лишь бы дата была окончательной. Очень странно, что Г-н Каноник намерен нарушить свое твердое обещание и таким образом поставить себя в неловкое положение по отношению к Вам и ко мне.

Я решительно отказываюсь переносить выступление на следующий сезон, разве что при условии, что мне теперь будет оплачено в качестве компенсации за ущерб, нанесенный мне по причине легкомысленных переносов даты Г-ном Каноником. Если он в самом начале был бы против моей лекции, он мог бы сразу сказать мне об этом, вместо того, чтобы переносить с одного воскресенья на другое, и я, таким образом, не терял бы время и труд на подготовку, которая заняла у меня почти 15 дней.

Итак, до скорого свидания (надеюсь). Сердечно Вас благодарю за Ваше любезное участие и терпение. Всего доброго.

Вам преданный

Александр Амфитеатров

20. Иванов — Амфитеатрову

21.VI.[19]32

Дорогой Александр Валентинович,

Сердечно благодарю Вас за присылку книг. Не сердитесь, если я вышлю Вам почтовых марок, чтобы возместить малую часть

расходов, в которые я ввел Вас своею жадностью к Вашим произведениям: довольно того, что Вы столь щедро одарили меня ими, взыскивать с Вас за эту щедрость еще и почтовые повинности уже значило бы злоупотреблять «правами» дружества.

«Восьмидесятники» (3 тома) будут Вам по прочтении мною и моею дочерью, Вашего почитательницей таланта (теперь она в Риме)¹, — значит, не так уж скоро, не правда ли? — неукоснительно возвращены.

Прилагаю копию сопроводительной грамотки², с которою я сегодня препроводил Ваше итальянское письмо — уже не нашему неключимому [Так! — Дж.М.] канонику, а председательнице del Circolo Femminile Al[essandro] Manzoni Sig[no]ra Maria Danione, особе высокопоставленной, чтобы произвести движение воды и, по возможности, скандал в их комитете, т[о] е[сть] направил Ваше письмо в высшую инстанцию.

Дружески преданный Вам

Вяч[еслав] Иванов

¹ Лидия Вячеславовна Иванова (1896-1985, Рим). Ср.: «Кстати, я считаю, что этим автором [Амфитеатровым. — Дж.М.] напрасно пренебрегают. Такие невероятно широкие фрески дореволюционной России могли быть созданы только действительно большим талантом» (Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.148).

² Имеется в виду следующий текст, написанный рукой Иванова:

Alla genti[lissi]ma Sig[no]ra Maria Danione
Presidente del Circolo Al[essandro] Manzoni

Gentilissima Signora,

Il noto scrittore Alessandro Amfiteatroff, residente a Levante Ligure, mio caro e stimatissimo vecchio amico, fu fino dall'inizio di questa stagione invitato dal Rev[erendissi]mo Canonico Don Milani a tenere nel Circolo Alessandro Manzoni una conferenza sopra «S. Francesco d'Assisi e S. Sergio di Russia». Pospose elaborandola altri lavori letterari che lo nutrono e subi i danni emergenti da questa interruzione della sua fatica quotidiana. Dopo molti rinvi, essendosi impegnato e per iscritto verso l'invitato, e oralmente verso di me quale intermediario delle trattative colla sua parola d'onore, di organizzare la conferenza prima della fine della stagione corrente, il Rev[erendissi]mo Canonico annunzia ora le conferenze del senatore Meda e del prof[essore] Capo come ultime della stagione — quelle «di chiusura».

Sottoponendo alla di Lei attenzione la lettera acclusa del mio amico, io cerco, come lo richiede il mio dovere, di schiarire la situ-

azione che minaccia di riuscire compromettente per il Circolo per il quale nutro, avendovi collaborato, una sincera simpatia.

Gradisca, gentilissima Singora, i miei distinti ossequi.

Il suo dev[otissim]o

V.I.

Перевод письма Иванова с итальянского:

Многоуважаемой Г-же Марии Данионе,
Председателю кружка А.Мандзони

Многоуважаемая Госпожа,

Известный писатель Александр Амфитеатров, проживающий в Леванто, в Лигурии, мой добрый и уважаемый друг, был приглашен Достопочтенным Каноником Милани, с самого начала этого сезона, прочесть лекцию в Кружке А.Мандзони о Св. Франциске Ассизском и Св. Сергии [Радонежском]. Для подготовки этой лекции он отложил другие литературные работы, которые приносят ему необходимые средства для проживания, и потерпел значительный материальный ущерб из-за прекращения своего ежедневного труда. После многих отсрочек, несмотря на многочисленные обещания и клятвы, в устном и в письменном виде, и мне, как посреднику этих переговоров, и приглашаемому докладчику, о том, что лекция состоится до конца текущего сезона, Достопочтенный Каноник объявляет теперь, что лекция сенатора Меда и профессора Капо будут последними и «заключительными» на этот сезон.

Я предлагаю Вашему вниманию нижеприлагаемое письмо моего друга, в надежде, как подсказывает мне чувство долга, выяснить ситуацию, которая грозит скомпрометировать доброе имя кружка, с которым я сотрудничал и к которому я питаю самую искреннюю симпатию.

Примите, многоуважаемая Госпожа, мое искреннее почтение.

Вам преданный В.И.

21. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1932.VI.30

Дорогой Вячеслав Иванович,

Простите, что не сразу ответил на Ваше последнее письмо. Спешил сделать кое-какие дополнения в «Зачарованную Степь», которую переводит Ринальдо Кюфферле, и отослать ему¹. Канитель!

«Восьмидесятников» можете держать, сколько Вам угодно. А вот «Десятидесятников» я не могу Вам послать даже в столь жал-

ком виде, потому что второй том — без конца и без начала². Хорошо почитал кто-то!

На павийской лекции, значит, ставим крест. От души желаю канонику ни дна, ни крышишки, потому что посадил он меня ужасно, — прямо не знаю, как вывернусь. Да, словно назло, еще и «Сегодня» за первую половину июня прислало ровно половину должного гонорара, так что — одна слеза.

Читали Вы флорентинскую речь Мережковского, появившуюся в «Возрождении»³? Очень хороша. Много правды сказал и себя не пощадил даже.

Грустно, что не удалось повидаться с Вами и поговорить о многом.

Дочь Ваша ведь композиторовствует? Мой сын Daniele говорил мне, что она талантливая, и возмущался, что не ей досталась какая-то премия, выданная, по национальному пристрастию, какому-то конкуренту-итальянцу, гораздо слабейшему. Это было года два-три тому назад⁴.

Издатель моей «Стены Плача», к великому моему удивлению и удовольствию, не плачет. Опыт бунта против книгопродавцев и кустарное распространение удаются. Книга идет.

Давно не получал русских книг. Пришли некие «Сны Петра» Лукаша⁵. Ужас! Человек, видимо, малограмотный, а «стилизует» — и чего он в сей стилизации нагородил, невообразимо. Достаточно сказать, что Петр Великий у него вместо «охабня» говорит «охоботь», то есть... мякина!

Впрочем, с русскими Вальтер-Скоттами, за исключением Алданова, бывают подобные приключения часто. У П.Н.Краснова в романе «С нами Бог» москвичи преважно рассуждают в 1811 году о превосходстве русской истории Карамзина над русской историей Полевого за семь лет до выхода первой и лет за двадцать до второй⁶?

Года три тому назад я, заинтересовавшись Алдановым, написал большую статью о русском историческом романе и ради того пересмотрел большую часть соответственной литературы. Боже, какая труха! Не удивительно, что Алданов имеет такой большой успех: помимо таланта, ума и образования, работает на почти девственной почве⁷.

Странная вещь русское творчество. Во всех областях оно сразу производит некое совершенство, которое как бы определяет возможность крайнего достижения, — дальше уже не перепрыгнешь, а остается только возможность приближения. Так и в историческом романе. Свежее и вечнее «Капит[анской] Дочки» не

напишешь. В «Войне и Мире» вечен «мир», а историческая сторона уже одряхла.

А вчера нужна мне была справка в «Герое нашего времени». Начал искать, — да и перечитал весь роман с начала до конца. Вот тоже написано-то! Даже страшно, как хорошо. И опять-таки недостижимо. И откуда этот офицер раздобылся таким классическим лаконизмом? Ведь иной раз одною фразою говорит, что выразить — даже Достоевскому потребовалась бы страница. Пушкин был все-таки классического образования и «читал охотно Апулея», а Лермонтову, поди, и Апулей-то был знаком только в переводе Кострова, похабных мест ради⁸. А вот поди же ты!

До свидания, дорогой Вяч[еслав] Ив[анович]! Желаю Вам всего хорошего. Не забывайте меня и, при случае, напишите о себе.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

Простите, перо вдруг задурило и накапало и наляпало. А переписывать лень. «Сергия и Франческо [Так! — Дж.М.]» я попробую обработать в статью и напечатать в «Le Operee i giorni», где уже бывали мои статьи⁹.

¹ Этот перевод «Зачарованной Стены» (Ревель: Библиофил, 1921) увидел свет позже: *La Steppa incantata / Traduzione dall'originale accresciuta di aggiunte inedite, e introduzione di Rinaldo Kufferle*. Milano: Casa Edit. Bietti, 1933 (Bibl. russa a cura di Rinaldo Kufferle).

² «Девятидесятники» (Т.1: Московские осколки; Т.2: Подруги. СПб.: Прометей, 1909-1911. Второе издание — 1910-1913).

³ «Леонардо да Винчи и мы: Духовный кризис Европы» — речь, произнесенная Мережковским 16 мая 1932 во Флоренции на конгрессе Высокой Культуры, была напечатана: *Возрождение*. 1932. 24 июня. №2529 и 25 июня. №2530.

⁴ См. Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.142, 148, 198. История с премией произошла в 1929 (Там же. С.224-225). Даниил Александрович Амфитеатров (1901-1983) — старший сын А.В.Амфитеатрова от брака с Илларией Владимировной. Композитор и дирижер, с 1938 — в США, после Второй мировой войны вернулся в Италию.

⁵ Иван Созонтович Лукаш (1892-1940) — писатель. Имеются в виду его: *Сны Петра: Трилогия в рассказах*. Белград, 1931. (Русская библиотека. №31).

⁶ Речь идет об историческом романе П.Н.Краснова в двух книгах «С нами Бог» (Берлин: Медный всадник, 1927). Генерал Петр Николаевич Краснов (1869-1947), в частности, стоял во главе Союза русских патриотов, который выпустил «Стену Плача».

⁷ Об оценке Амфитеатровым творчества Алданова см. подробнее в публикации их переписки в наст. разделе.

⁸ Речь идет об издании: Апулей Л. Превращение, или Золотой осел / Перевел с латинского Императорского Московского Университета бакалавр Ермил Костров. Ч.1-2. Москва: В Университетской типографии у Н.Новикова, 1780-1781.

⁸ Статья о св.Франциске и св.Сергии не была опубликована в этом журнале.

22. Иванов — Амфитеатрову

Павия, 12.VII.[19]32

Дорогой Александр Валентинович,

Долго не писал я Вам, не желая понапрасну приводить Вас в досаду отчетами о полемической переписке между мною и (глупейшей!) председательницей кружка «Alessandro Manzoni», которой — ибо она представляет собою высшую в нашем деле инстанции — подал я (с приложением Вашего письма) жалобу на предосудительное поведение богомерзкого каноника. Эта полемика поссорила меня с обоими, но не дала никакого положительного результата. Однако мой друг, монсиньор Нашимбене, ректор нашего Collegio, сделал на днях, при встрече с Милани, попытку пристыдить его и услышал в ответ, без всякой запинки и как будто ничего не случилось: «Come mai?»¹ Лекция просто отложена на осень, так как свободного дня мы при всем нашем желании не могли найти». Тогда Нашимбене заметил, что в таком случае, и в виду нарушенных обязательств и прав лектора на неустойку, следовало бы послать ему вместе с объяснениями и некий аванс в счет будущего гонорара. На что каноник воскликнул с чувством: «Конечно, конечно! И это будет непременно сделано. Я теперь же напишу ему и вышлю деньги, direttamente²... без посредства проф[ессора] Иванова!» На этом разговор пока кончился; Нашимбене, разумеется, ему не верит и намеревается при ближайшей встрече возобновить беседу.

Как я сокрушаюсь, что так жестоко подвел Вас, дорогой Александр Валентинович! Вы бы подождали сразу же печатать Вашу работу о св[ятых] Франциске и Сергии Радонежском: быть может, осенью прочтете ее в разных местах. Для Флоренции надеюсь на содействие милого Николая Петровича Оттокара — знакомы ли Вы с этим превосходным, а теперь, в качестве ордин[арного] профессора во Флор[ентинском] унив[ерситете], и немного влиятельным, человеком? Благодарю Вас за доброе и интереснейшее «ли-

тературное» письмо. Я неутешно огорчен тем, что свидание наше не состоялось. Заменяю личное общение чтением мастерской Вашей прозы, где в каждой строке все же Вы весь. «Восьмидесятники», помимо эстетической радости, которую они во мне вызывают, имеют для меня еще особую прелесть, не лишенную и горечи, но уже смягченной действием времени и безболезненной: ведь это все — Москва моей юности, ведь я вскормленник Первой Гимназии в московский унив[ерситет] поступил в 1884 году!³

Обнимаю Вас с сердечною благодарностью заочно. Ваш

Вяч[еслав] Иванов

Посылаю Вам почтовых марок в покрытие расходов на последнюю посылку книг. А «Девятидесятников» как хотел бы — *впоследствии* — иметь хоть и в неполном виде.

¹ Как же так? (*итал.*).

² прямо (*итал.*).

³ См.: Автобиографическое письмо В.Иванова С.А.Венгерову // Русская литература XX века: 1890-1910 / Под ред. проф. С.А.Венгерова. Т. III. Кн. VIII. М.: Изд-во т-ва «Мир», [1916]. С.81-96. Перепечатано как приложение к «Воспоминаниям» дочери писателя.

23. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1932.VIII.16

Дорогой Вячеслав Иванович,

Простите, что так долго молчал, не отвечал. В извинение свое могу привести нижеследующие причины.

1) По «Стене Плача и Стене Нерушимой» развилась у меня переписка совершенно непосильного мне объема: ежедневно два-три письма, из коих на многие надо немедленно отвечать, да еще и подумавши. Книга эта имеет совсем сумасшедший успех. Издание уже идет к концу. Осенью выпустит Б.Поппер новое¹. Вот тебе и «без магазинов и казенных объявлений».

2) В Варшаве и Риге изобрели и публиковали никогда небывалые и менее всего мне желанные мои якобы юбилей: 70-летие возраста и 50-летие литер[атурной] деятельности. Вопреки моим опровержениям с указаниями на неправильность дат, подняли шум, а в результате опять письма, письма и письма, на которые опять-таки надо отвечать, да еще и каждому надо же объяснить, что я тут ни при чем и являюсь жертвою произвола охочих до сенсации коллег². А потому по целым дням сижу у письменного стола, долбя, как дятел, одни и те же отречения от незаслуженного поче-

та. Эта история доставляет мне много неприятных минут, но, так как нет худа без добра, то, с другой стороны, она позволила мне, хотя и ошибкою, узнать о добром расположении многих, коих я, по правде сказать, почитал настроенными в отношении меня совсем иначе. Ввели юбилейщики в заблуждение и Зелинского. Он прислал мне такое чудесное письмо, что ради него — куда уж ни шло, — можно простить всю эту напрасную и лживую шумиху.

3) В промежутках переписки должен был спешно сделать две работы: дополнения и примечания к «Зачарованной Степи», которую переводит Ринальдо Кюфферле (если только переводит, — я от него давным-давно не имею ответа ни на письмо, ни на последний посыл рукописи) для итальянского издания; и очень ответственный публицистический диалог «Беседа о Братстве Русской Правды»³. Сей последний поглотил две недели работы с утра до вечера.

4) Надо же было наряду с сими трудами для души строчить кое-что и ради хлеба насущного.

5) У нас здесь сейчас гостят уже месяц Н.Н. и Соф[ия] Н. Кедровы с дочкой Лиля [Так! — *Дж.М.*], что весьма приятно, но также ущербляет время⁴.

Затем... «на Шипке все спокойно»⁵, то есть... сквернее чего можно [придумать], но трудно.

От прелестного каноника Магио Milani, конечно, я не получил никакого письма, не говоря уже о деньгах. Это, очевидно, надо срывать с бирки.

В Париже, кажется, начинают сильно нажимать на русских. А в Риме, говорят, проэктируется закон, по которому иностранцам, живущим в Италии менее пяти лет, будет предложен «позвольте вам выйти вон» (за исключением, конечно, туристов, коим предоставляются шестимесячные и годовые сроки). Меня это, конечно, не касается, но сыну моему Владимиру Кадашеву⁶, пожалуй, придется выбираться, куда глаза глядят. Что, впрочем, не лишено хорошей стороны: засиживаться в безнадежно безработной Италии, да еще в глуши, для человека не старого и сил полного бесполезная трата жизни — капуанская погибель без капуанских удовольствий (по нищете). Только вот — куда деваться-то?

Слепну я очень. Вынужден отказаться от работы по вечерам. Опять, значит, ущерб времени. Вместо писания и чтения, играю в шахматы. Вы это любите? Кстати, о шахматах. Читали «Защиту Лужина» Сирина-Набокова? Хороша⁷.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Откликнитесь!

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров,
лже-юбиляр

¹ Склад издания отмечен на обложке «Стены Плача»: В.Рорер. Новое издание не выходило.

² Имеется в виду, в частности, статья П.М.Пильского «А.В.Амфитеатров. Его 70-летие и 50-летие литературной деятельности», в которой говорилось:

.../ и тут я должен, прежде всего, заявить, что амфитеатровский двойной юбилей я справляю помимо его воли и даже вопреки его желаниям — словом, как будто назло. Дело же происходило так: при помощи разных вычислений я установил, что Александру Валентиновичу исполнилось 70 лет, а писателю Амфитеатрову — 50. Разумеется, я решил его чествовать. .../ Естественно, я обратился к нему, во-первых, с поздравлением, во-вторых, с извещением о том, что о его юбилее редакция «Сегодня» поместит статью. В сущности, речь шла о самом простом: мы решили отметить достовернейший факт, на основании неоспоримых данных. Какой тут может быть разговор, тем более спор? Но возникли и разговоры и споры. Амфитеатров заартачился: юбилей не юбилей /.../ даты неверны, шум не желаю — словом, запел из «Жизни за Царя»: «сыграйте эту свадьбу без меня!»

Сегодня. 1932. 11 июля. №189.

В действительности, Амфитеатров родился 14(26) декабря 1862, а начал сотрудничать в юмористическом журнале «Будильник» в 1882. Так что газеты вполне правильно отметили оба юбилея.

³ *Братство Русской Правды* — законспирированная антибольшевистская организация, созданная в 1921 герцогом Г.Н.Лейхтенбергским, публицистом С.А.Соколовым-Кречетовым и ген. П.Н.Красновым. Кречетов выпускал и редактировал в Берлине журнал «Русская Правда» (1922-1933). Амфитеатров участвовал в деятельности БРП с 1927. Следы его работы над «Беседами о БРП» в архиве писателя имеются, однако опубликован этот материал, по-видимому, не был. См. также: Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Т.1. Ставрополь, 1992. С.232-233; Зубарев Д.И. «Красная чума» и белый терроризм (1918-1940) // Индивидуальный политический террор в России: XIX — начало XX в.: Материалы конференции. М., 1996. С.164-166.

⁴ Николай Николаевич *Кедров* (1871-1940) — основатель знаменитого мужского вокального квартета, который много гастролировал по России и Европе до Первой мировой войны. Он продолжал свою деятельность в эмиграции. Его дочь стала известной русско-французской актрисой.

⁵ Название трех объединенных сюжетом картин В.В.Верещагина, изображающих гибель русского солдата на Шипкинском горном перевале в Болгарии во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Верещагин взял название картин из официальных донесений генерала Ф.Ф.Радецкого, который сообщал, что «на Шипке все спокойно», в то время как его небольшой отряд был обстрелян со всех сторон турками.

⁶ Амфитеатров писал о своем сыне В.А.Амфитеатрове-Кадашеве, прозаике, поэте и публицисте, в шестой части своего обзора «Литература в изгнании»:

Владимир Кадашев (утвердившийся за ним псевдоним) обосновался в ней [в области фантастики. — *Дж.М.*] очень прочно и убежденно ("Фрачник с хвостом", "Зум-Зум" и пр.). Сильное воображение, напитанное Гофманом, Эдгаром По, Стивенсоном.

Новое время. 1929. 23 мая. №2417.

⁷ В пятой и шестой частях «Литературы в изгнании» Амфитеатров писал о В.В.Набокове:

Под несомненным влиянием Зайцева стоят молодые, возникшие и развившиеся уже в эмиграции, Николай Рошин и Владимир Сирин. Под последним псевдонимом стал известен сын публициста и политического деятеля, конституционалиста-демократа В.Д.Набокова, убитого в 1922 году шальной пулей сумасшедшего Шабельского.

Сирин, в рассказах и стихах своих мечтательный эстет и лирик с уклонами в фантастический импрессионизм, обещает выработаться в очень значительную величину. Он хорошей школы. В первом своем романе «Машенька» он подражательно колебался между Б.Зайцевым и И.А.Бунинным, успев, однако, показать уже и свое собственное лицо с «не общим выраженьем». Второй роман Сирина «Король, дама, валет» — произведение большой силы: умное, талантливое, художественно психологическое, — продуманная и прочувствованная вещь. Так как ее действующие лица и вся обстановка — не русские (область наблюдения автора — среда богатой немецкой буржуазии в Берлине: если бы не типически русское письмо В.Сирина, то роман можно было бы принять за переводный), то ему надо отвести место, и очень почетное, в том разряде зарубежной литературы, который я обобщу (хотя будет и не точно) названием «экзотического» /.../

В.Сирин, возвысившийся в «Короле, даме, валете» до глубины и типической изобразительности, удивительных для автора, который сам не немец. О, как знает Сирин немецкого бюргера и его женщину! В этом романе он отнюдь не нежный, сумеречный лирик полуфантастического настроения, как в рассказах и стихах, а, напротив, резкий, иногда даже жесткий натуралист не германской, а французской школы, — я сказал бы, до «золаизма» включительно. /.../ Берлин Сирина уже проведен через обработку футуризма. Поэтому Сирин большой мастер передавать самое трудное для слова: впечатления быстрого движения, мелькания и т.д.

Новое время. 1929. 22 и 23 мая. №2416 и 2417.

Levanto
1935.VIII.19

Дорогой Вячеслав Иванович,

Миллион лет не писал Вам и от Вас не имел вестей. Кажется, с того вечера, уже давнего, как побывал у нас проездом Ваш сын¹. Очень много воды утекло с того времени. Лучше и не начинать рассказа, — начав, и век не кончишь. Да и все беспросветно грустное.

Сейчас пишу Вам по такому случаю. 27 января 1937 года исполняется, как Вам известно, столетие со смерти Пушкина. В русском Зарубежье задумано и уже решено с достаточным единодушием помянуть этот знаменательный день торжественно и широко. Во всех крупных центрах эмиграции сложились пушкинские комитеты, из коих центральный и руководящий в Париже, под председательством В.А.Маклакова и М.М.Федорова². А в членах — Бунин, Куприн, Зайцев, Шмелев, Бальмонт, Тыркова-Вильямс, Тэффи, Алданов и пр., и пр. — словом, все. Меня выбрали представителем для Италии, и я спешу пригласить Вас включиться в число членов: кому же, как не Вам, большому поэту, чтить поэта величайшего! Было бы еще приятнее и полезнее, если бы я мог сдать Вам представительство, так как, наверное, Ваши связи с итальянскими литераторами и поэтами гораздо обширнее и теснее моих, весьма ограниченных, по одиночеству моего житья в пустыне. Я, пока что, привлек к делу Ettore Lo Gatto, Ugo Ojetti, Riccardo Bachelli [Так! — Дж.М.], Piero Gadda, Mario Puccini, написал G.V. [Так! — Дж.М.] Borgese, да он, кажется, в Америке³. Не знаю адреса Татьяны Варшер⁴. Она могла бы быть полезна. Не знаете ли Вы? Недурно было бы привлечь Rinaldo Küfferle, но я, во-первых, не знаю, где он, а во-вторых, мне не хочется ему писать, так как со времени своей женитьбы он, по каким-то неведомым мне причинам, очень невежливо меня покинул, и вот уже два года, что я по поводу этой загадки пребываю в недоумении без догадок.

Первая и, по-моему, главная цель Пушкинских комитетов — новое хорошее издание Пушкина в одном томе (на библейской бумаге) стоимостью не свыше 10 франков. Конечно, надо для этого и денег пособрать мало-мало, но, судя по именам некоторых членов комитета (Л.П.Детердинг, лэди Вернер) деньги и без сбора найдутся; нужно ведь, писал мне Федоров, всего сто тысяч франков. А мечта — дать Пушкина каждому зарубежнику за посильную цену. Как Суворин когда-то — за рубль. По-моему, на чем я настаиваю, всего. Парижане говорят: избранного. Но, получив проект

выбора, я пришел в изумление. Редактировать издание будет, кажется, М.Л.Гофман¹. Если отбор сделан им, то не постигаю предположенных исключений и пропусков. Пушкин без «Дубровского», «Села Горохина» [Так! — Дж.М.], «Русалки», «Анджело», без «Под вечер осенью ненастной»... странное что-то⁶. Я написал откровенно и Маклакову и Федорову. Пишет последний, что дебаты по сему поводу будут, когда возобновятся заседания комитета. Если хотите, я пришлю Вам копию списка.

Хорошо было бы подвинуть итальянских друзей на печатание в 1935 и 1936 году в итальянских газетах статей о Пушкине для более полного ознакомления с Пушкиным и подготовки к столетней годовщине его смерти. В самую годовщину — 27 янв[аря] 1937 г. — очень важен отклик всей итальянской печати на это событие и организация в нескольких крупных центрах торжественных собраний. До этого еще далеко, но за 1 1/2 года можно хорошо подготовиться. Для предполагаемой однодневной газеты я уже получил некоторые предложения.

Вот. Напишите, по возможности, поскорее, как Вы о том думаете.

И — как сами живете и что поделываете? Я стар, слеп, нищ, глух и, кажется, уже глуп, хотя пытаюсь быть не совершенно в том уверенным. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

Нет ли у Вас случайно каких-либо книг о Гоголе? Напр[имер], Мережковского, Розанова? Я пишу большую книгу о нем, а пособий мало имею (Белый, Мочульский, Ермаков, Бем, Сергеев-Ценский, Осипов, Зеньковский) и даже писем Гоголя у меня нет⁷. Если что найдется, возвращу с благодарностью аккуратно.

¹ Димитрий Вячеславович Иванов (р.1912, живет в Риме) — сын В.Иванова от брака с В.К.Шварсалон, журналист, писатель (псевд., по месту, где он родился во Франции, в Haute Savoie — Jean Neuvécelle).

² Федоров Михаил Михайлович (1858-1949) — видный общественный деятель русского зарубежья, основатель и глава ряда фондов и ассоциаций.

³ Ло Гатто Этторе (1890-1983) — итальянский литературовед, переводчик и популяризатор славянской культуры в Италии. Профессор, преподавал русский язык и литературу в Падуе, Риме и Неаполе. *Oietti Ugo* (1871-1946) — итальянский прозаик, критик и журналист. С 1930 член итальянской Академии. В течение 40 лет сотрудничал в газете «Corriere della Sera». *Баккелли Риккардо* (Bacchelli Riccardo; 1891-1985) — итальянский романист и драматург. *Гадда Пьеро* (р.1902) — писатель, автор био-

графии композитора Дж.Пуччини. *Пуччини Марио* (1887-1957) — итальянский писатель, критик. *Боргезе Джузеппе Антонио* (1882-1952) — профессор, литературный критик, романист и журналист. Видный теоретик антифашизма и антитоталитаризма, с 1913 — в изгнании в Америке, где преподавал в университетах. Вернулся в Италию в 1947, имел кафедру эстетики в Миланском университете.

⁴ *Татьяна Сергеевна Варшер* (1880-1960) — археолог, много писавшая о Помпеях (о зверях и растениях «помпейской» живописи), вблизи которых она и жила в Италии. Была связана с Немецким археологическим институтом и Американской Академией в Риме.

⁵ *Гофман* Модест Людвигович (1887-1959) — литературовед и критик. В 1920-1922 — сотрудник Пушкинского Дома. В 1922 командирован во Францию, с 1926 — невозвращенец. Преподавал в Сорбонне. Один из организаторов Пушкинской выставки в Париже в 1937.

⁶ В.Ф.Ходасевич писал об этом проекте:

Еще в ноябре 1934 г. Русский Национальный Комитет обратился «ко всем зарубежным русским, без различия подданств» с воззванием, в котором говорилось о необходимости к предстоящему юбилею издать два собрания сочинений Пушкина: академическое и популярное. Что касается первого из них, то неосуществимость подобного замысла сразу была очевидна для всех, имеющих понятие о деле. Не говоря уже о том, что издание академическое, то есть неизбежно состоящее по крайней мере из десятидвенадцати весьма объемистых томов, потребовало бы огромных, невозвратимых и для эмиграции непосильных затрат, совершенно ясно, что оно не может быть выпущено и по другим причинам: во-первых, в эмиграции вряд ли нашлось бы достаточно специалистов, которые могли бы подготовить издание в короткий срок, остающийся до юбилея; во-вторых (и это, конечно, главное, решающее препятствие, покрывающее все прочее) — подготовка академического издания неисполнима в эмиграции потому, что она требует непосредственного обращения к пушкинским рукописям, которые, за ничтожными исключениями, находятся в советской России.

Таким образом, мысль об академическом издании отпала тотчас. Инициатива издания популярного из рук Национального Комитета перешла к Комитету Пушкинскому. Что сделает Пушкинский Ком[итет] (и сделает ли он что-нибудь), в настоящее время нам неизвестно. /.../ рекомендовать его [это издание. — Дж.М.] читателям никак невозможно, ибо оно способно лишь засорить всякую библиотеку.

Ходасевич В.Ф. Книги и люди: Пушкин в издании «Иллюстрированной России» // Возрождение. 1936. 25 июля. №4036.

Однотомное «юбилейное» издание, однако, было выпущено Комитетом в 1937. В рецензии на него Ходасевич писал:

Небесспорно, что исключенные Комитетом и редактором (М.Л.Гофманом) «незаконченные и неотделанные» произведения и даже «шалости пера» «важны только для изучения, а не для простого чтения поэта» /.../ Однако одно дело — принципы, другое — практика. /.../ Из числа более крупных произведений включена неоконченная «Русалка», включен «Дубровский». Правда, попал он в книгу «по желанию подписчиков», но раз уже было допущено и это отступление от принципов издания, то приходится пожалеть, что «подписчики» вовремя не напомнили редактору хотя бы об «Истории села Горюхина», о «Сценах из рыцарских времен», о «Египетских ночах».

Возрождение. 1937. 25 июня. №4084.

В издании был опубликован «Анджело», но не было «Под вечер, осенью ненастной».

⁷ Книга Амфитеатрова о Гоголе никогда не была завершена. Только фрагменты из нее публиковались: Пленный дух в немощной плоти: Этюд к книге «Н.В.Гоголь. Человек, смешавший людей» // *Возрождение. 1936. 5 марта. №3928*; Отталкивающий магнит: Этюд к книге... // Там же. 1936. 2 апреля. №3956; Наблюдатель: Этюд к книге... // Там же. 1936. 2 мая. №3986; Актерская натура: Этюд к книге...: К столетию «Ревизора» — 19 апреля (2 мая) 1836-1936 // Там же. 1936. 11 июня. №4025; Завтра «Ревизора»: Этюд к книге... // Там же. 1938. 21 января. №4115; Из рукописей, оставшихся после смерти А.В.Амфитеатрова: Комедия без конца: Этюд к книге... // Там же. 1938. 13 мая. №4131; Комедия без конца // Земля Колумба (Нью-Йорк; Сан-Франциско; Лос-Анджелес). 1937. №2. С.61-76.

25. Иванов — Амфитеатрову

Roma, via Gregoriana 12
23 августа [19]35

Дорогой Александр Валентинович,

Как обрадовало меня Ваше милое письмо! Давнее безвестие меня тяготило, и совесть мою обременяло сознание, что очередь в переписке за мной; но в грехах по этой части я погряз до отчаяния в своем спасении. И вот сегодня приходит, наконец, желанная, хотя краткая и унылая, весть от Вас. Погуляю письмецо Ваше, так как с августа прошлого года я уже не в милом моем сердцу Collegio Vogomeo: сократили штаты, место мое упразднили, и меня отпустили, подарив мне 10 000 лир¹. Я с дочерью пока что в Риме, без места; литературные заработки не велики; я и она получили итальянскую cittadinanza², сын же, Вам известный, — француз: он родился во Франции и по достижении совершенно-

летия оптировал в пользу Франции; он студент-филолог в Aix-en-Provence³. Благодарю Вас за приглашение включить меня в число членов по устройству Пушкинских поминок и с радостью его принимаю. Но представительство от Италии я бы на себя по многим причинам не взял, да и не сумел бы справиться с этою задачей по своей нерасторопности и отсутствию организаторских способностей. Нет, представителем от Италии должны быть именно Вы, старейший — *notre doyen* — из русских писателей, в Италии живущих (впрочем, их 2, 3 — и обчелся!), и притом Вы (несмотря на все Ваши сетования) человек энергический и представительный. А поговорить с некоторыми знакомыми итальянцами и побудить их к содействию — могу, поскольку Вы это одобрите: имею в виду, например, Джованни Папини, пожалуй, Бенедетто Кроче, Франческо Пастонки, академиком Формики и, может быть, Паволини, профессоров Мавера, Манакорду, Габетти⁵, Николая Петровича Оттокара, если последний, подобно Ло-Гатто, Вами еще не приглашен. (Участие Татьяны Варшер — пусть это останется между нами! — представляется мне не «полезным», как Вы пишете, а, напротив, вредным, потому что она всех и все мутит. А Михаила Ивановича Ростовцева⁶ «Современные Записки», где он сотрудничает, привлекут к участию и содействию и без ее посредничества.) С Кюфферле я сам давно не имею прямых сношений, что не помешало ему дать свои прекрасные переводы моих стихов в *numero* журнала *Convegno* (апрель 1934)⁸. Меня тем более удивляет то, что Вы об нем пишете, что прежде говорил он о Вас с неизменной любовью и почитанием и даже как-то ставил на вид свое сыновнее к Вам отношение. Уж не обиделся ли он на Вас, как это часто бывает с неуверенными в своих силах молодыми писателями, за какую-нибудь обескураживающую критику? Живет он в Милане, *via Moscova 42*; по Вашему особливому поручению могу ему написать. Из лиц, не в Италии живущих, организация не должна забыть драгоценного для всего предприятия, любимого друга нашего Фаддея Францевича; рекомендую не забывать и моего друга Евгения Васильевича Аничкова, профессора в Скопле (Югославия), и его ученика, моего молодого приятеля, Илью Ник[олаевича] Голенищева-Кутузова, профессора в Белграде⁹. Из итальянских молодых славистов, которых мне приходится экзаменовывать на приват-доцентуру по истории русской литературы, есть троечетверо, могущих быть привлеченными с пользою для дела. Наконец, могу заинтересовать в начинании институт по русской литературе при Берлинском университете; миланский *Convegno (rivista)* и блестящую немецкую rivista «Corona» в Цюрихе, где я по-

стоянный сотрудник¹⁰. На сегодня довольно. Обнимаю Вас заочно с любовью.

Ваш Вячеслав Иванов

Ваш взгляд на предположенное издание Пушкина всецело разделяю. «Избранные сочинения» никого не удовлетворят, и Пушкин без «Дубровского», без «Анджело», без «Русалки» — чудовищность и бессмыслица.

¹ «С осени 1926 г. до летних вакаций 1934 г. я жил там [в Колледжио. — Дж.М.], в дивном здании XVI-ого века, но сокращение бюджетов повело за собой упразднение отдельной профессуры в Колледжио. В Риме я, наконец, развязался с большевиками, приняв итальянское подданство; но приглашение во Флорентийский университет не было утверждено министерством, потому что мне было-де уже под 70 лет — предельный возраст, — а на самом деле потому, что я не был записан в фашистскую партию», — писал Иванов С.Л.Франку 3 июня 1947 (Мосты. 1963. №10. С.364-365).

² подданство (итал.).

³ См.: Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.225-226, 236-237.

⁴ наш старейшина (фр.).

⁵ *Папини* Джованни (Papini Giovanni; 1881-1956) — итальянский критик, романист, поэт, сотрудник журн. «Весь». См. о нем: Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.181. *Кроче Бенедетто* (Croce Benedetto; 1866-1952) — итальянский философ и критик. О встрече Кроче с Ивановым в Павии в апреле 1931 см.: Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.180. *Пастонки Франческо* (Francesco Pastonchi; 1874-1953) — итальянский поэт, прозаик и драматург. Преподавал итальянскую литературу в Туринском университете. С 1939 — академик. *Формичи Карло* (Formichi Carlo; 1871-1943) — инданист, профессор санскрита в Риме. С 1929 — вице-президент Итальянской Академии (L'Accademia d'Italia). *Паволини Паоло Эмилио* (Pavolini Paolo Emilio; 1864-1942) — востоковед, профессор, преподавал санскрит во флорентийском университете. *Мавер Джованни* (Maver Giovanni; 1891-1970) — ученый-славист, профессор польской литературы в Римском университете, в 1952 основал журнал «Ricerche Slavistiche». Считается «отцом» итальянской славистики. *Манакорда Гвидо* (Manacorda Guido; 1879-1965) — критик и писатель. *Габетти Джузеппе* (Gabetti Giuseppe; 1886-1948) — ученый-германист.

⁶ *Ростовцев Михаил Иванович* (1870-1952) — историк, ученый-классицист, археолог. В 1901-1918 — профессор Петербургского университета. С 1918 — в эмиграции. С 1925 — профессор древней истории и классической филологии в Йельском ун-те (США). Его переписку с В.Ивановым см.: Михаил Иванович Ростовцев и Вячеслав Иванович Иванов: Новые материалы / Публ. Г.М.Бонгард-Левина, М.Вахтеля, В.Ю.Зуева // Вестник древней истории. 1993. №4. С.210-220.

⁷ монографический выпуск (*итал.*).

⁸ Il Convegno: Rivista di letteratura e di arte. Anno XIV-XV. №8-12. 25 Dicembre 1933 — 25 Gennaio 1934. (Содержание выпуска см.: Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.181). Три перевода ивановских стихов сделаны Кюфферле и помещены в выпуске: «Cappella votiva» — «Капелла» («У замка, над озером...»); «La via d'Emmaus» — «Путь в Эммаус» и «Il corno alpino» — «Альпийский рог».

⁹ *Аничков Евгений Васильевич* (1866-1937) — историк литературы, критик, специалист по романским литературам. *Голенищев-Кутузов Илья Николаевич* (1904-1969) — исследователь европейских средневековых литератур и славянских литератур XV-XVI веков, переводчик, поэт (В.Иванов написал предисловие к его сборнику стихов: Память. Париж, 1935). Г.-К. вернулся в СССР в 1955. Об их отношениях с Ивановым см.: Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.228. Переписку Иванова и Г.-К. см.: *Europa Orientalis*. 1989. №8; Октябрь. 1993. №3.

¹⁰ О журнале «Corona» см.: Иванова Л.В. Указ. изд. С.141, 177-178.

26. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1935.IX.10¹

Вот видите, дорогой Вячеслав Иванович, как я был прав, считая, что представительство должны взять на себя Вы, а не я. Добрая половина перечисленных Вами имен мне и в голову не приходила, а как будет хорошо, если все они примкнут! Переговорите, пожалуйста, со всеми, и — кто принципиально согласен, всем я разошлю официальные приглашения, как скоро получу от М.М.Федорова бланки. О Н.П.Оттокаре прошу в особенности, — я его не знаю, а, между тем, из Парижа тоже в особенности о нем просят, равно как и о Lo Gatto. Относительно Т.Варшер принял к сведению. Я совсем не знаю ее лично, но, по писаниям ее, в кои она Римом и Ротпрейи распоряжается с ревнивым азартом вотчинной собственности, я полагал, что без нее там ныне и святая вода не святится. Кюфферле, если можно, пожалуйста, напишите. Неловко, если не будет в комитете переводчика «Театра Пушкина»². Причина его отдаления от меня продолжает быть неведомой и непостижимой. На днях он получил в Viareggio поощрительную премию за какой-то свой роман *Ex-Russi*³. Не читал, но заглавие мне не нравится: значит, опять пишет о том, чего не знает. Переводчик он превосходный и, если бы сосредоточился на том, то сослужил бы русской литературе и поэзии не меньшую службу, чем в Германии Боденштедт⁴. Я это не раз ему говорил и писал. Но ему хо-

чется во что бы то ни стало умножить собою неисчислимое множество итальянских беллетристов средней руки: ни хорошо, ни плохо; прочитать можно, а нужно ли — другой вопрос. Вероятно, за то он на меня и надулся. Или, может быть, еще [дуется]. Перед женитьбой он написал мне извещение с теми «сыновними» чувствами и выражениями, о коих Вы пишете, при чем очень горестно сообщал, что болен сам и невеста его больна серьезно. Я ему отвечал, что со счастьем поздравляю, а, прежде чем жениться, надо вылечиться обоим: женские болезни не шутка. Я сам двенадцать лет жизни в первом своем браке испортил и себе, и жене, повенчавшись с большой женщиной. Если на это обиделся, то совсем дурак: зачем же было и оповещать меня «сыновне» о таких интимностях, спрашивая тем самым моего «родительского» участия и совета? Это я пишу Вам, конечно, с просьбою — «между нами».

Очень радуюсь, что мы с Вами так сошлись во взглядах на издание Пушкина. В Париже это произведет должное впечатление. Тем более, что к нам всецело примыкает Лондон в лице Ариадны Тырковой-Вильямс. Я все стремлюсь написать доклад, да нет времени: поденщина заедает, надо зарабатывать на старости лет медные гроши, а то нищ, как Иов, и жена совсем изведена борьбой за существование в непосильном труде.

Думаю, что хорошо было бы привлечь к делу популярную газету, как «Giornale d'Italia», «Tribuna», «Messaggero». Я когда-то был хорош с Virgino Gayda⁵. Но литературными делами в «Giorn[ale] d'It[alia]», кажется, ведает Tilgher⁶. Вы его не знаете ли?

Как горестно, что Вы расстались с Pavia! Я Вам завидовал: тихий университетский город, кафедра и большая библиотека — всегда были моей мечтой. А теперь завидую, что Вы в Риме. Обожаю я его. А уже двадцатый год, что не видал. И как, — слышно, — он переменялся?

Не знаю, писал ли я Вам, что побывали у меня Ф.Ф.Зелинский с женой Вероникой, но так мимолетно, что — одно огорчение. И поговорить ни о чем не успели. Только снялись группю. Он нисколько не переменялся за восемь лет, что мы не видались, разве немножко вялее говорит и заметно, что мало встречается с русскими: усилился польский акцент, к[ото]рого прежде вовсе не было. Привлечь его в комитет следует непременно, если только он не привлечен уже Варшавою.

Как музыка Вашей дочки?

Ну, будьте здоровы и благополучны! Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

¹ В оригинале описка в дате: «VIII» вместо «IX». Почтовые штемпели на конверте: 10.9.35 и 10 set[tempre] 1935.

² Имеется в виду перевод Кюфферле «Бориса Годунова» и «Маленьких трагедий»: *Il Boris Godunov e le tragedie minori / Traduzione in versi e introduzione di Rinaldo Küfferle. Milano; Verona: A Mondadori, 1936.* Его же переводы романов и повестей Пушкина вышли в том же году: *Romanzi e racconti / Unica traduzione integrale dal russo di Rinaldo Küfferle. Milano, 1936.*

³ Küfferle R. *Ex-Russi: Romanzo. Milano, 1935.*

⁴ *Боденштедт* Фридрих Мартин фон (Bodenstedt Friedrich Martin von; 1819-1892) — первый знаменитый немецкий переводчик Пушкина (почти всех художественных произведений), Лермонтова, Козлова и других русских и украинских поэтов и прозаиков на немецкий язык.

⁵ *Гайда Вирджинио* (1855-1944) — итальянский историк, журналист и идеолог итальянского и немецкого фашистского экспансионизма. Автор книги: *Il crollo russo (dallo zarismo al bolscevismo). Torino, 1920.*

⁶ *Тильгер* Адриано (Tilgher Adriano; 1887-1941) — итальянский критик, эссеист и журналист.

27. Иванов — Амфитеатрову

Roma, via Gregoriana, 12
10 февраля 1936

Дорогой Александр Валентинович,

Давно собираюсь, но, отвлекаемый неотложными заботами, до сих пор не удосужился — сообщить Вам нечто важное. А именно: я говорил с вице-президентом Академии проф[ессором] Carlo Formichi о предполагаемом пушкинском торжестве и встретил самое сочувственное отношение к этому замыслу. L'Accademia d'Italia охотно устроит посвященное памяти Пушкина заседание с участием только ее членов; это придаст празднованию характер *национальной* демонстрации Италии: ясно, что это *maximum* наших желаний и что празднование, которое собирается устроить проф[ессор] Lo Gatto в своем Istituto per l'Europa Orientale не может идти с ним в ряд по значению и торжественности, так как l'Institutо есть только специальное научное учреждение, отнюдь не представляющее итальянской нации¹. Чтобы торжественное заседание, о котором говорит Formichi, состоялось, желательно было бы, чтобы центральный комитет, устраивающий интернациональные пушкинские поминки, обратился в Академию Италии,

— например, через того же вице-президента Формики, — то ли с приглашением присоединиться к торжествам, то ли просто с сообщением о предполагаемом чествовании. Сообщите, дорогой Александр Валентинович, что Вы об этом думаете и что предполагаете предпринять.

С глубоким уважением неизменно и сердечно Вам преданный
Вячеслав Иванов

Академия хочет почтить Пушкина самостоятельно, по своему независимому почину, но для возбуждения дела ей желательно опираться на конкретный факт русского общественного движения в пользу пушкинского чествования.

¹ Институт Восточной Европы был основан Ло Гатто. Не следует путать его с Восточным Институтом, где преподавал В.Иванов. См.: Иванова Л.В. Указ. изд. С.248.

28. Амфитеатров — Иванову

Леванто
[11 февраля 1936]

Дорогой Вячеслав Иванович,

Давно уже получил Ваше новогоднее приветствие, за которое и благодарю, прося извинения, что не ответил таковым же, затормозившись с разными, не весьма приятными, делишками плачевного эмигрантского быта. Кроме того, была на Вашей карточке приписка: «Пишу». Я и поджидал, что напишете, и я уже сразу отвечаю, изложив Вам заодно все, что накопилось за это время по Пушкинскому Комитету. К нему примкнули с большой охотой многие итальянские литературные и артистические силы, например, переводчики Пушкина: Ринальдо Кюфферле, Джованни Гандольфи¹, издатель пушкинской прозы Паоло Маранини², беллетристы: Рикардо Баккелли, Пьеро Гада и др.

Известный славист проф. Этторе Ло Гатто также отозвался на мой призыв с большим энтузиазмом. Это было тем приятнее, что он предлагал слить наш Пушкинский Комитет с другим, проэктированным в римском Институте для Восточной Европы. Слияние, конечно, значительно облегчило бы организацию подготовки к празднеству. Я сообщил предложение Ло Гатто в Париж, где оно было принято весьма радостно. Самого Ло Гатто мы с Парижем в проекте намечали активным председателем, а в почетные метили на Габриеле д'Аннунцио³.

Я полагал это дело уже на мази, как вдруг вчера, по возвращении Ло Гатто из Чехословакии, где он пробыл довольно долго,

я получил от него неожиданно письмо с отказом по «персональным» причинам, как он пишет. В этом письме он сообщает мне, что предполагавшаяся организация в Римском Институте расстроилась, и все дело здесь сведется к изданию Институтами небольшого сборника статей о Пушкине, да к его (Ло Гатто) лекциям в падуанском Университете. В том же письме он сообщает мне, что, по его сведениям, Вы в Риме организуете свой особый Комитет, для которого вошли в сношения с Академией. Это известие меня несколько озадачило, так как я ничего подобного до сего времени не слышал от Вас. Напротив, когда я просил Вас снять с меня непосильное мне представительство и взять его на себя, то Вы, к моему огорчению, отказались. Я решительно ничего не имею против Вашей организации, если она действительно существует, наоборот, приветствую ее, в особенности при условии союза с такой огромной силой, как Академия, и охотно сдам на Ваши руки «полномочия», которыми облек меня Париж. Но не могу понять, почему Вы, составляя такую крупную организацию, не сообщили о том мне, не избавив меня тем от напрасных хлопот.

Вышла таким образом неприятная двойственность приглашений, за что, боюсь, отвечать придется мне. Пожалуйста, напишите мне, как обстоит дело, чтобы я мог разъяснить его тому же Ло Гатто (он, судя по тону письма, хотя дружеского, чувствует себя как будто обиженным) и другим приглашенным, а затем сойти с Моисеева седалища, мне не принадлежащего. Вы же, как поэт и глава целой поэтической школы, имеете на оное все права, и я, как уже раньше писал Вам, буду очень рад, если Вы возысидете.

Очень буду ждать Вашего ответа и до получения его приостановлю всякие свои действия по дальнейшим приглашениям.

В прошлом Вашем письме Вы назвали целый ряд лиц в высокой степени почтенных, которых присутствие в Комитете, конечно, было бы очень желательно.

В Париже собираются чествовать 50-летний юбилей Бальмонта⁴. Хорошо было бы откликнуться на него коллективно.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

Машинопись с подписью.

¹ В 1937 вышли три тома произведений Пушкина в итальянском переводе Джованни Гандольфи (Giovanni Gandolfi; 1868-?) — «Борис Годунов»; «Скупой рыцарь», «Каменный гость» и «Русалка»; «Цыганы», «Полтава» и «Медный всадник» (Изд. G.Carabba). Этот переводчик выпустил также: *Lirici Russi del secolo aureo*. Lanciano, 1926.

² Paolo Maranini возглавлял миланское издательство «Bietti», которое выпустило «Капитанскую дочку» на итал. языке в 1937.

³ *Д'Аннунцио Габриэле* (d'Annunzio Gabriele; 1863-1938) — итальянский поэт, прозаик и драматург. «Официальный» поэт итальянского фашизма, с 1937 — президент Итальянской академии.

⁴ 24 апреля 1936 Союз русских литераторов и журналистов в Париже, в ознаменование 50-летия литературной деятельности К.Д.Бальмонта устроил вечер «Писатели — поэту» в парижском зале du Musée Social. В программе участвовали: И.С.Шмелев, Н.А.Тэффи, М.И.Цветаева, А.М.Ремизов, Б.К.Зайцев и С.Л.Поляков-Литовцев. В состав комитета по организации юбилейного вечера вошли: М.А.Алданов, И.А.Бунин, кн. С.М.Волконский, Зайцев, Тэффи, Шмелев, А.Н.Бенуа, К.А.Коровин, А.К.Гречанинов, С.В.Рахманинов и др.

29. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1936 (XIV).II.12

Дорогой Вячеслав Иванович, только что отправил Вам длинное письмо, как получил Ваше, коим мое «аннулируется». Само собою разумеется, лучшего результата, чем академическое чествование Пушкина, мы и желать не можем, и я, не медля, напишу о том парижанам. Жаль, что Вы не написали мне о Вашем сговоре раньше, так что известие дошло до меня прежде со стороны, и *Lo Gatto*, не подозревая моего неведения, мог заподозрить, что мы ведем двойную игру, — с ним договариваемся на всякий случай, а налаживаем настоящее-то дело с Академией. Но я это все не замедлю выяснить, и все к лучшему в этом мире, лучшем из миров. Среди академиков я имею старого друга Отторино Респиги¹. Как раз сегодня я писал ему о наших пушкинских делах, но из *Corriere della Sera* узнал, что он, бедный, очень болен, так что задерживаю письмо до его — надеюсь — скорого выздоровления². Думаю, что в литературной и официальной части чествования нам больше и заботиться нечего. Я же теперь приложу старания к тому, чтобы откликнулся Пушкину итало-русский артистический мирок Милана и Флоренции. Как Вы думаете? Напишите. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

Почтовая открытка.

¹ *Респиги Отторино* (Respighi Ottorino; 1879-1936) — итальянский композитор, профессор Национальной академии Санта Чечилия в Риме. «Помню в углу его [Респиги. — Дж.М.] богатой и очень разнообразной библиотеки целую полку, занятую романами Амфитеатрова. — И вы их

читаете в подлиннике? — он спрашивает. Я сомневаюсь, чтобы он мог осилить огромные (хотя и превосходные) романы Амфитеатрова. /.../ Респиги дружил с Амфитеатовым, сын которого, Даниил, учился у него». (Иванова Л.В. Указ. изд. С.147-148).

² Респиги умер 18 апреля 1936 «в полном расцвете творческих сил» (Там же. С.147).

30. Иванов — Амфитеатрову

Roma, via Gregoriana, 12
14 февраля [1936]

Дорогой Александр Валентинович,

Письма наши скрестились. Вчера получил Ваше письмо, где Вы сообщали мне целую кучу досадных вымыслов о будто бы организуемом мною где-то на задворках Академии особом комитете по чествованию Пушкина и иных моих происках — и тотчас написал Вам в ответ обстоятельное опровержение таковых слухов. Но эта апология, к счастью, не нужна, ибо вижу из Вашей сегодняшней открытки, что мое скрестившееся с Вашим письмом окончательно выяснило истинное положение дела. Сердечно Ваш

Вячеслав Иванов

Почтовая открытка. Штемпели: Roma. 14.11.36. и Levanto. 15.2.36.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иванов — М.М.Федорову

Копия
М.М.Федорову,
Товарищу Председателя
Пушкинского Комитета.
Париж

Рим, 28 декабря 1936
61, via Monte Tarpeo

Многоуважаемый Михаил Михайлович,

Из печатного перечня Пушкинских комитетов, приложенного к протоколу парижского центрального комитета номер 7, я вижу, к немалому своему удивлению, что продолжаю считаться «председателем пушкинского комитета» в Италии. Таковым не состою и никогда не состоял. Никогда со своей стороны я не подавал повода к этому недоразумению, досадному для меня потому, что оно

ставит меня в ложное положение перед лицом Пушкинского Комитета, который, если бы дело шло не о простом недоразумении, справедливо мог бы упрекать меня в бездействии, несовместимом с обязанностями местного председателя.

Но я не только не подал ни малейшего повода к этому заблуждению, а и больше того: уже давно старался его рассеять. Впервые узнал я о приписываемом мне «председательстве» от А.В.Амфитеатрова, которого немедленно уведомил, что слухи, о коих он мне сообщал, ни на чем не основаны, что я никогда не только не брал на себя формально или официально, но и фактически или по собственному почину (лучше сказать: самочинно) не предпринимал никакой организационной работы, что ни о каком «комитете» в Италии ничего не знаю и что — хотя я охотно вношу свое имя в список литераторов, примыкающих к парижскому комитету, если таковое присоединение последнему желательно, — однако решительно отклоняю какую бы то ни было направительную или организаторскую роль, находя, между прочим, что таковая в Италии должна по справедливости быть поручена ему, А.В.Амфитеатрову, старейшему из немногих живущих в Италии русских писателей.

Время от времени получал я деловые сообщения или поручения по пушкинскому делу; весь этот материал передал я проф. Гектору Доминиковичу Ло Гатто, прося его списаться с Парижем, объяснить факт моего неучастия в организационной работе и взять на себя ряд практических забот, напр[имер] о распространении пушкинских открыток и о подписке на книгу «Сочинения Пушкина» (на подписном листе я и некоторые мои знакомые выставили свое имя). Проф. Ло Гатто любезно взял на себя все эти поручения, выпуску книг, распространение открыток и т.д. и писал обо всем этом в Париж, но, по его словам, не получил ответа.

Ло Гатто, в свою очередь, не стоит во главе никакого комитета, в качестве директора римского Istituto per l'Europa Orientale (via Lucrezia Caro, 67) подготавливает собрание с речами итальянских писателей о Пушкине и юбилейный сборник статей о Пушкине для итальянцев¹. Кроме того, его стихотворный (и, прибавлю, превосходный) перевод «Евгения Онегина» на итальянский язык, с моим введением, отметит пушкинский год в Италии². Более года тому назад я говорил в *частном порядке* (не как организатор, а как русский поэт) с вице-президентом Итальянской Академии о желательности пушкинского собрания в Академии и, следовательно, при участии *одних академиков*. Но это предложение было на заседании Академии отклонено, — по-видимому, по соображениям международной политики³.

Примите, многоуважаемый Михаил Михайлович, с моими новогодними поздравлениями и пожеланиями полного успеха делу Комитета, выражение моего глубокого уважения.

Вячеслав Иванов

Машинопись с подписью.

¹ 9 февраля 1937 Иванов, по просьбе Ло Гатто, произнес речь о Пушкине на собрании Института по поводу столетия со дня смерти поэта. См.: *Gli aspetti del Bello e del Bene nella poesia del Puškin // Alessandro Puškin nel primo centenario della morte / Ed. E.Lo Gatto. Roma: Istituto per l'Europa Orientale, 1937. См. русский перевод: Два маяка // Иванов Вяч. Собр. соч. Т.4. Брюссель, 1987. С.330-342.*

² Ло Гатто читал из своего перевода «Евгения Онегина» на вечере 9 февраля 1937. Перевод появился с предисловием Иванова: «Eugenio Oneghin» di Alessandro Puškin / *Versione poetica di Ettore Lo Gatto / Introduzione di Venceslao Ivanov. Milano, 1937. Ивановский перевод предисловия см.: Роман в стихах // Современные записки. Кн.64. 1937. С.177-195; Собр. соч. Т.4. С.324-329.*

³ В статье «Неожиданная встреча (Вячеслав Иванов в Риме)» М.Б.Чарный писал: «Отмечалось 100-летие со дня смерти Пушкина — и не только в Советском Союзе, но и во многих странах за рубежом. Муссолини, раздраженный неудачами своих авантур в Абиссинии и Испании, политикой, которая проводилась Советским Союзом, запретил публично отмечать дату. /.../ И вдруг приходит приглашение от Института восточной культуры посетить закрытый вечер, посвященный Пушкину» (Вопросы литературы. 1966. №3; перепечатано: Иванова Л.В. Указ. изд. С.325-326).

Амфитеатров — М.М.Федорову

Копия

Levanto
1937.(XV).I.8

Многоуважаемый Михаил Михайлович,

Копию письма В.И.Иванова я уже три дня тому назад получил от него самого и очень огорчился. Но что же я могу сделать? Ведь Вы же знаете, что я еще в сентябре должен был отказаться от работы по Пушкинскому Комитету, с объяснением причин, почему. После того была у нас Тэффи¹, и я просил ее сообщить Вам на словах то самое, что я изложил Вам письменно. Тяжелая семейная беда — душевная болезнь моего сына Романа, — и полное отсутствие материальных средств лишают меня всякой возможности энергично помогать большому общественному делу Пушкин-

ского праздника. Я очень обрадовался, прочитав в присланном мне печатном отчете, что функции, которых я не в состоянии исполнять, возложены на Ринальдо Кюфферле, и что он осуществляет как будто тот самый план, что я отмечал в весенних письмах к Вам. Но от самого Кюфферле я не был извещен о том ни единым словом, и теперь в том же пребываю. О том, что Кюфферле в переговорах с Т.Павловой и др., и Вы мне писали. Ведь он же виделся с Вами и обо всем уговорился. Если все это были только проекты, а не дело, могу лишь выразить глубокое сожаление. Дело с Академией и Формики вел Вячеслав Иванов. У меня там связей нет, — был Отторино Респиги, да умер. Что с Академией вышел разрыв, для меня прискорбный сюрприз. Что касается Этторе Ло Гатто, о котором пишет Вячеслав Иванов, он сейчас в Чехословакии и вернется лишь в конце января. Мы с ним в отличных отношениях. Я в самом начале хлопот рассчитывал на его содействие и пригласил его и получил было его согласие. Но затем его кто-то чем-то из Парижа обидел (так думаю), и он прислал отказ, о чем я в свое время писал Вам. (Должно быть, ему не понравилось перемещение центра юбилейного торжества с Института для изучения Восточной Европы в Академию.) Он же свой пушкинский план осуществляет, как пишет Вам Вячеслав Иванов и могу подтвердить я, потому что Институтом для юбилейного пушкинского сборника приобретена и уже сдана мною статья «Дружба Пушкина и Гоголя»². Времени до 29 января — 10 февраля остается так мало, что трудно исправить пропущенное. Я Вам писал, что на бумаге ничего нельзя сделать, — Вы сами по опыту видите, что даже не отвечают. Если бы были деньги, я все-таки решился бы взяться снова за дело, — отправиться в Милан и Рим и наладить, что возможно, с оперой и театром, газетами и колониальными силами. Но у меня нет средств не только на разъезды, а и на почтовые расходы, да и сапоги надо купить и какое-нибудь подобие теплого платья, а то я и наг, и бос. Меньше тысячи лир было бы не обойтись даже самым скардным расходом, а — удалось бы его покрыть доходом, не знаю. Во всяком случае, меня ли командировать, на местах ли кого уполномочить и средствами к действиям снабдить, поспешайте. Иначе, пожалуй, в самом деле, всеевропейское чествование Пушкина останется без Италии, что и горестно и конфузно.

Пользуюсь случаем поздравить Вас с русским[и] рождественскими праздниками и Новым Годом и от души пожелать Вам в нем всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

Машинопись.

¹ См. статью Амфитеатрова «Чары Тэффи» (Возрождение. 1936. 4 июня. №4019). В статье «Последние дни» И.В.Амфитеатрова писала: «Дни мы [с А.В.Амфитеатовым. — Дж.М.] проводили за чтением книг и газет. Чего я только не перечитала ему за болезнь. Между прочим, всю Тэффи милую. А.В. то тихо посмеивался, то улыбался, а то говорил серьезно: — Какой большой талант!» (Возрождение. 1938. 1 апреля. №4125).

² Amfiteatrov A. L'amicizia di Puskin e Gogol' // Alessandro Puskin nel primo centenario della morte / Scritti di V.Ivanov, G.Maver, A.Amfiteatrov, G.Morici, E.Anagnine, E.Gasparini, L.Gancikov, E.Damiani, R.Poggioli, W.Giusti, V.Cajola, A.Biolato Mioni, E.Lo Gatto. Ed. E.Lo Gatto. Roma, 1937.

31. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1937 (XV).III.26

Дорогой Вячеслав Иванович,

Христос Воскрес! Поздравляю Вас с светлым праздником [Святой] Пасхи и желаю Вам всего хорошего. Вот для праздника радостная весть: К.Д.Бальмонт воскрес от своего недуга и прислал мне два прекрасные письма и отличные стихи¹. Слава Богу!
Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

Открытка с видом на Леванто. Штемпель: III.26.1937.

¹ В конце своей статьи «Литература в изгнании» Амфитеатров писал: «Вот уже около сорока лет Бальмонт царит в русской поэзии, время от времени переживая направленные против него поэтические революции, однако, ни одной из них не удалось лишить его трона /.../. Это едва ли не самый образованный человек в русской художественной литературе и полиглот, каких мало во всех литературах. /.../ Он — как бы живое олицетворение идеи, что русский гений есть всеславянский гений» (Новое время. 1929. 26 мая. №2419; см. также письмо №16, прим.3).

32. И.В.Амфитеатрова — Иванову

Levanto
1938 (XVI).I—5

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

А.В. просит меня приветствовать Вас и пожелать Вам счастливого Нового Года. Сам он этого сделать не может, т[ак] к[ак]

очень болен¹. Меня простите за опоздание, но я совершенно завалена корреспонденцией.

Примите и от меня наилучшие пожелания.

И.Амфитеатрова
(Илария Владимировна)

Штемпель на конверте: 5.1.38.

¹ О болезни, кончине и похоронах Амфитеатрова см.: Возрождение. 1937. 31 декабря. №4112; Там же. 1938. 25 марта. №4124; Амфитеатрова И. Последние дни // Там же. 1938. 1 апреля. №4125.

appendix one will find correspondence of the writer with his wife and father, letters to him from S.A.Andreevski, L.N.Andreev, N.M.Minski, as well as Amfiteatrov's letters to E.V.Anichkov, P.A.Kropotkin and others. 15 + 17 pp.

CORRESPONDENCE OF A.V.AMFITEATROV WITH M.A.VOLOSHIN. Edited by N.Yu.Griakalova.

The five letters of the poet from his 1905-1907 period, apart from details of his literary cooperation with representatives of the democratic camp, represent Voloshin's abstract, «esoteric» view of the Russian revolution, including its most acute aspects, such as the problem of the murder of the tsar. 5 + 6 pp.

AMFITEATROV AND THE RUSSIANS IN POLAND (1922-1932).

Edited by D.I.Zubarev.

The publication of Amfiteatrov's correspondence which includes 34 letters to the writer and his replies dwells on such subjects as the arrest of Savinkov and his repentance at the trial; disagreement among members of the editorial board of the newspaper «Za Svobodu!» — the mouthpiece of uncompromising emigrants activities; conflicts between M.P.Artsybashev, V.V.Portugalov and D.V.Filosofov; the personality of Vorovski's murderer B.Koverda; the death of Artsybashev, the dramatic fate of Savinkov's sister, S.V.Turchinovich. The annotations include numerous references to the little known figures of the Russian diaspora in Poland. 11 + 76 pp.

CORRESPONDENCE OF A.V.AMFITEATROV WITH V.I.IVANOV. Prefaced and edited by John Malmstad.

The correspondence touches upon such themes as life of the Russians in Italy, the literary views of the correspondents, attempts by V.Ivanov to arrange a lecture for Amfiteatrov in Pavia, the Pushkin jubilee celebrations in Italy. 4 + 60 pp.

«A PARISIAN PHILOSOPHER BORN OF THE RUSSIAN JEWS».

Letters from M.Aldanov to A.Amfiteatrov. Edited by E.Garetto and A.Dobkin.

The publication focuses on the «creative laboratory» of the novel writer Aldanov, the literary and political atmosphere of the Russian Paris, struggle around the Nobel prize which was awarded to Bunin, Aldanov's cares for his literary colleagues etc. The annotations include references to the persons and events mentioned, as well as bibliographic data, fragments from letters addressed to Amfiteatrov by A.I.Guchkov, M.S.Milrud, P.B.Struve, B.A.Suvorin and others. 4 + 79 pp.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания

Д.А.Лутохин. ЗАРУБЕЖНЫЕ ПАСТЫРИ.

Вст. ст. и публ. Ю.И.Комболина, комм. А.Л.Дмитриева
и Ю.И.Комболина . . . . .

7

Владимир Аллой. ЗАПИСКИ АУТСАЙДЕРА 112

Из истории литературной жизни

ПИСЬМА М.А.КУЗМИНА С.К.МАТВЕЕВСКОМУ.

Вст. ст., публикация и прим. Н.А.Богомолова . . . . .

165

Константин Олимпов. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭГОПОЭЗИИ
ВСЕЛЕНСКОГО ФУТУРИЗМА.

Публикация А.В.Крусанова и А.М.Мирзаева . . . . .

186

ИЗ ИСТОРИИ ЭГОФУТУРИЗМА: МАТЕРИАЛЫ
К ЛИТЕРАТУРНОЙ БИОГРАФИИ КОНСТАНТИНА

ОЛИМПОВА. Публикация А.Л.Дмитренко . . . . .

206

Борис Фрезинский. ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ В КИЕВЕ (1918-1919) 248

Из личных архивов

(Редактор-составитель раздела Э.Гарэтто)

Э.Гарэтто. ДВЕ ЭМИГРАЦИИ ПИСАТЕЛЯ

АМФИТЕАТРОВА . . . . .

339

Э.Гарэтто. ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ:

ВЗГЛЯД ИЗ ПАРИЖА. К биографии

А.В.Амфитеатрова (1904-1907) . . . . .

345

ПЕРЕПИСКА А.В.АМФИТЕАТРОВА И М.А.ВОЛОШИНА.

Публикация Н.Ю.Грякаловой . . . . .

377

АМФИТЕАТРОВ И РУССКИЕ В ПОЛЬШЕ (1922-1932)

Публикация Д.И.Зубарева . . . . .

388

А.В.АМФИТЕАТРОВ И В.И.ИВАНОВ: ПЕРЕПИСКА.

Предисловие и публикация Джона Малмстада . . . . .

475

«ПАРИЖСКИЙ ФИЛОСОФ ИЗ РУССКИХ ЕВРЕЕВ».

Письма М.Алданова к А.Амфитеатрову.

Публикация Э.Гарэтто и А.Добкина . . . . .

539

Аппенх 625